

**Память нашу
не стереть
с годами**

Муниципальное учреждение Торопецкого района
«Торопецкая центральная библиотека»

**Память нашу
не стереть с годами**
Народная летопись
выпуск 7

Торопец

2017

2

От составителя

Вот уже более 70 лет мы живём под мирным небом. Великая Отечественная война стала страницей истории и память о ней жива в сознании народа, в сердцах и душах людей. Очень хочется, чтобы и будущие поколения сохранили память о войне, помнили о величии нашей Победы над немецким фашизмом.

Именно поэтому Торопецкая центральная библиотека с 2008 года реализует проект «Народная летопись» по изданию воспоминаний земляков о Великой Отечественной войне.

Перед Вами, уважаемый читатель, сборник «Память нашу не стереть с годами», седьмой по счёту.

Воспоминания, собранные в нём, очень разные – как и люди, которые их писали. Но ни одно из них не оставит равнодушным, потому что за каждым – личная трагедия, история их жизни на фоне страшного военного времени. Непридуманнные истории потрясают своей правдой, искренностью и являются свидетельствами того, как выстояла страна в тяжелое лихолетье. Их бесхитростные рассказы позволили выявить ранее неизвестные факты истории нашего края в те грозные годы.

Николай Антонович Виноградов

Я был призван в армию в 1939 году, попал в литовский город Пружане. Попал я в кавалерийский полк, лошади мне были знакомы с детства. Но не долго я был кавалеристом, перевели в артиллерийскую батарею. Утешало одно – здесь были лошади, которые должны были таскать тяжелые пушки. В свободную минуту я заходил в денник, слушал как вздыхают за перегородкой тяжеловозы, мирно хрупают овёс, и вспоминал родную деревню.

22 июня, с утра, вместе с товарищами отправились к реке поить коней. Мы увидели десятки самолётов, которые шли низко над головой. От рёва моторов дрожал воздух. Чернели кресты на крыльях. Отчаянно нахлёстывая коней, мы помчались назад в часть. Началось поспешное отступление. По бездорожью, ночью, по запутанным лесным просёлочным дорогам. Немцы заметили батарею и стали нас обстреливать. К утру бой затих. Из 36 орудий осталось два. Из восьмисот человек – небольшая горсточка бойцов. После боевого крещения 80 артиллеристов отступали до Локни. В 1941 году зима была ранняя, спать приходилось на снегу, возле своей 122-миллиметровой гаубицы, завернувшись в плащ-палатку. Под Локней, в одном из боёв, меня ранило под лопатку.

Начались госпитальные скитания: из Холма в Осташков, из Осташкова – в Горький.

После госпиталя меня направили защищать Москву. Я командовал артиллерийским расчётом на Волоколамском шоссе. Имею медаль «За оборону Москвы». После разгрома под Москвой немцев, я участвовал при взятии городов Калинина и Великих Лук. Попал в окружение в Калининской области. Приняли бой: 3 человека и орудие. Били немца до тех пор, пока он не побежал. За этот бой награждён Орденом Красной звезды. Есть медаль «За боевые заслуги», орден Славы III степени, Орден Отечественной войны II степени, медаль «За победу над Германией», множество юбилейных медалей.

Весть о Победе встретил в Германии, в городе Гюстров. Ещё год служил там. Вернулся домой в июне 1946 года. Стал инвалидом II группы.

А вернувшись домой стал работать в совхозе «Торопецкий» конюхом. Животных любил. В конюшне всегда были чистота, порядок, кони были накормлены.

Женился, построил свой дом, родился единственный сын Володя.

Александра Павловна Васильева

Родилась я в Торопце в 1924 году. В этом городе и выросла. Жили мы тогда на Малой Новинке (сейчас это улица Кутузова). Семья была большая: пятеро детей (три сестры и два брата). Среди сестер я была самой младшей. Когда старшие, окончив школу, завербовались и уехали в Ленинград, я тоже захотела уехать с ними, мечтала поступить в речной техникум. Очень хотела в плавание ходить, и чтобы форма была. Но опоздала, так как набор в техникум уже закончился. Предложили поступить в техникум резиновой промышленности, но там мне не понравилось. Привели на экскурсию на производство, а там чернота, чад – куда там до морской романтики! Сёстры мои в то время работали: одна на текстильной фабрике, другая маляром-штукатуром в строительной организации. Она и пристроила меня в строители, с бригадой обустривала жильё для комсостава. Я снимала комнату в частном доме под Ленинградом, а работала сначала в Ораниенбауме, потом в Кронштадте.

Когда одна из сестер уехала на работу в Финляндию, на полуостров Ханко, она и мне сделала вызов, чтобы меня пропустили через границу. Там я стала работать делопроизводителем на базе военно-морского флота: принимала документацию, распечатывала, регистрировала. Конечно, я многого не знала и не умела, но мне подсказывали, помогали, опекали во всём. Принимая от меня документы, командующий не раз повторял: «Вам нужно учиться, а не работать»».

Но учиться тогда мне не довелось – грянула война, и я с сестрой и ее новорожденным ребенком покинула полуостров. Спасибо матросам, перекинули меня через борт, иначе бы я на пароход не попала: народу было очень много, все уезжали, поэтому пропускали в первую очередь семейных, с детьми. По дороге мы угодили под бомбежку: пароход, что шел впереди, был взорван, а наш уцелел и доплыл до Ленинграда. Там всех эвакуированных ждал состав, которым нас привезли в Ярославскую область в Буйский район, где всех расквартировали по окрестным селам. Жилось непросто, у сестры от голода умер ребёнок, она уехала в

Торопец, звала с собой и меня, но я не решилась на такой далекий путь и осталась в Демьянове. Впереди была зима, а я в легких туфельках. Председатель сельсовета, видя, как я по морозу в них бегаю, договорился, чтобы мне скатали валеночки. Потом меня взяли счетоводом на сырзавод. А в конце февраля 1943 года в сельсовет прислали заявку, чтобы из деревни двух девушек направить в армию. Отправили одну местную девочку и меня, «эвакуированную».

Привезли нас сначала в подмосковный Красногорск, а затем перебросили на Ленинградский фронт. После принятия присяги я была определена в службу регулировщиков и контролеров на военных дорогах, начальником поста регулирования, проходила службу при штабе. А впереди были еще два года войны, километры фронтовых дорог: Украина, Молдавия, Румыния, Венгрия, Чехословакия – там я и встретила День Победы. Только в мае 1945-го война для меня не закончилась: предстоял мне ещё далекий путь на восток, на войну с Японией.

Я являюсь ветераном труда и двух войн: Великой Отечественной и Советско-японской. Награждена Орденами Отечественной войны, медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией» и другими.

А демобилизовалась я только в 1946 году, даже точно запомнила дату: 27 апреля 1946 года – день, когда вернулась в Торопец. Через некоторое время приехал муж Николай – он был родом с Украины, познакомились на фронте, вместе воевали. Приехав, он сразу встал на партийный учёт и его направили в колхозные председатели, в Речане. Два срока, восемь лет проработал за трудовни, пока на правлении не постановили дать ему зарплату – 95 рублей, жить ведь на что-то было надо. А когда он ушел из председателей, устроился в дорожники, его сразу исключили из партии, правда, потом восстановили, ведь он имел право.

Я закончила торгово-кооперативную школу, по окончании которой стала бухгалтером, отработала в Торопецторге 37 лет, оттуда и на пенсию уходила. По дому тоже работы хватало: огород, хозяйство большое – куры, гуси, утки – за всеми ухаживать, так и руки отваливались...

В 1980 году не стало мужа, более тридцати лет я прожила одна, но без дела не сидела: и за огородом присматривала, и любимые

гладиолусы выращивала, да ещё вязанием занималась – салфетки и дорожки. Сейчас, конечно, годы берут свое, огород уже не по силам, зато есть время на книги – я многие годы являюсь старейшим читателем библиотеки – и на выступления в хоре ветеранов. Вместе с хором, который стал для меня новой, дружной семьей, и 90-летие свое отметила, порадовалась цветам и поздравлениям от коллег.

Анастасия Ивановна Веселова

Родилась я в деревне Концы Калининской области (ныне Псковская область, Великолукский район) в 1925 году. Рядом находилась деревня Каменка.

Отец – Скрыдлов Иван Дмитриевич, мамаша – Мария Антоновна, она была на десять лет моложе отца. В семье у нас было пятеро детей. С нами ещё жил дедушка.

Жили в единоличестве, держали скот: 2 лошади, 2-3 коровы, овцы, свиньи, куры. В Великие Луки папаша возил лес продавать и привозил оттуда печеного хлеба. Когда стали организовывать колхозы, папаша в 38-м или в 39-м году подал заявление в колхоз «Победа» в деревне Семенцево. В деревне Ваши тоже был колхоз, но он туда не захотел, а скот мы сдали в колхоз в Каменке. Остались у нас одна корова, овцы, свиньи. Училась я в школе в деревне Митровское, окончила 4 класса. Потом там пасла овец. После переезда в деревню Семенцево я пошла работать в колхоз на общие работы.

Когда началась война, папашу по возрасту не взяли на фронт. В конце августа 1941 года в деревню пришли немцы, было очень страшно. Они к нам ходили за солеными огурцами в сарай. Дед очень переживал за огурцы, потому что потом самим будет есть нечего. На улице был вырыт окоп, там мы прятались во время перестрелок. Дедушка отказывался идти из своего дома, но потом, когда началась перестрелка хотел прятаться в печь. Постоянно немцев у нас не было и люди всё равно работали в колхозе. В деревню иногда наезжали каратели, искали партизан. Однажды всю деревню выстроили на расстрел, но не нашли партизан.

В один приезд собрали мужчин из деревни и погнали в деревню Озерец. Их расстреляли в лесу, на этом месте теперь

стоит Кудрявцевская школа. Отец возил немцам поросенка, боялся, что его тоже убьют.

В 1942 году меня с односельчанами взяли в ФЗО. Было очень страшно – незнакомые места, чужие люди. Ехали в вагонах-телятниках из города Торопца. Определили нас на военный завод и учили на слесарей. Жили мы в общежитии. Питание было плохое, но зато давали хлеба по 800 грамм.

Брат Иван убежал домой сразу, а мне писал в письмах, чтобы я не убегала. А мне так хотелось домой к мамаше, я очень скучала. Убежали мы с подружкой Суетовой Ниной. Ехали на подножках вагонов. Ели картошку с полей – варили в банках. Когда уезжала в ФЗО, мамаша дала мне из дома тюфяк, чтобы было на чём спать, тюфяк я не бросила, взяла с собой, потом он нам пригодился. В какой-то деревне продала тюфяк, а нам дали каравай хлеба. Нина продала большой шерстяной платок, тоже за хлеб. Добирались до дома целый месяц.

Вернулись домой. Тут уже было лучше с питанием. Опять стала работать в колхозе. В 1951 году вышла замуж за Веселова Петра. Он был родом из деревни Семенцево. Родителей у него не было, отец погиб в Финскую войну, мать долго болела и умерла в начале 1949 года. Петр был в семье третий, а всего их, детей, было семеро.

Семья наша была богатой, я выходила замуж с хорошим приданым. Венчались мы в деревне Метлино, там ещё работала церковь. На венчание ехали на трёх лошадях. Венчал нас отец Филипп. Когда подъехали к церкви, обступили нас бабы и говорят, что жених красивее.

Я была нарядная, на мне была марлевая фата, а платье дала сестра. Петя был одет в костюм отца. Жить мы сначала стали в семье у Петра, а потом ушли от ребят жить отдельно.

В этот год у папаши пропала корова. Но они в сентябре купили новую. Сестра носила нам молоко, своей коровы ещё у нас не было. Брат Петра, Александр вскоре женился и уехал. Трое детей остались, пришлось вернуться к ним. Вырастили их. Коля уехал в Ленинград поступать в речное училище в том же костюме от отца, в котором был и мой жених, когда мы венчались. Валя в 1956 году вышла замуж. Вова, младший учился в школе в Ваших. Жили нелегко, все время трудились, работали и в поле, и на ферме. Муж Пётр много работал на заготовке и вывозке леса. Постепенно

зажились, держали много скот: коров, свиноматок, овец, всякую птицу. У нас родилось двое детей: сын Коля и дочка Рита. Сын сейчас живёт в Ленинграде, дочка в Великих Луках. У них свои семьи. Великолукские приезжают часто нас проводывать. Внуки летом живут у нас в деревне.

Прасковья Константиновна Ильина

Я родилась в 1925 году в деревне Караськово Лужницкого сельсовета. Родители мои, отец Аверенков Константин Гаврилович и мама, Александра Федоровна, родились примерно в 1885 году. В нашей семье было четверо детей: два брата и две сестры. Жили зажиточно. Держали в своем хозяйстве коров, овец, свиней, кур. Работы в хозяйстве было много, работали все от малых лет. Родителей раскулачили, но никуда не сослали. Перед войной сселили всех в деревню Гудилиху, там был колхоз «Красный труженик».

В школу я пошла с 7 лет, вначале ходила в деревню Оськино, там была начальная школа. Учила нас учительница Мария Петровна (в девичестве Красноумова). До школы было 3 километра, ходили каждый день. Потом училась в Старинской школе, там закончила 7 классов. Одетая я была хорошо. Зимой носили валенки, калоши к ним покупали в Торопце у деда, который их клеил. После окончания школы я пошла работать в колхоз счетоводом.

Хорошо помню, как в начале войны приехали в Гудилиху немцы на мотоциклах. Зашли к нам в дом и стали просить моего брата Васю играть на балалайке. Мы все испугались, а он стал молиться Богу. Немцы забрали продукты, какие были, мёд.

Старший брат Иван, 1913 года рождения, жил в Кривом Роге перед войной. Оттуда забрали его на войну. И всю войну о нём не было известий. Вернулся он в 1949 году. Оказывается, он попал в плен, работал в Германии на хозяина в деревне. Был женат, жену звали Липа.

Брата Васю призвали в 1942 году на войну, и он погиб под Велижем, был младшим лейтенантом. Перед гибелью приезжал домой на две ночи, уехал и пропал.

В июне 1942 года меня забрали в ФЗО. Отправляли в Новосибирск, но я туда не поехала, а поехала со знакомым Лешкой Голановским в Москву. Жили в общежитии, кормили нас в столовой. Питание было плохое. Долго мы не отработали, сбежали домой втроём. Ехали где на поездах, где на машинах, где пешком шли. Обовшивели. Пришли домой в августе, малина в лесу уже поспела, её мы ели дорогой. В деревне Луговицы нас задержали солдаты. Мы там ночевали одну ночь, солдаты ушли и мы тоже пошли домой. После возвращения домой пряталась на печке. В деревню приезжал участковый милиционер Павлов Иван Михайлович спрашивал у папки, где я, а тот ответил, что в ФЗО.

Во время оккупации в колхозе мы не работали, а когда немцев прогнали, снова работали в колхозе и родители, и я. Мои родители были работающие, поэтому мы не голодали.

В 1947 году, чтобы заработать денег, на станцию Назимово я носила продавать лепешки, которые пекла мама.

В 1948 году я вышла замуж за Ильина Петра из деревни Самсоново. Первый раз я его увидела в церкви деревни Метлино. Познакомились, а потом поженились. Я перешла жить к нему в Самсоново. Построили свой дом, вырастили 5 сыновей. В Самсонове я тоже работала в колхозе кассиром, на общих работах. На пенсию вышла в 50 лет.

Пётр Ильич Ильин

Родился я в 1925 году (записан в документах в 1926) на хуторе Финёво. Мои родители, отец, Сергеев Илья Сергеевич, и мать, Наталья Федоровна, родились примерно в 1885 году. В семье нас ребят было пятеро: 4 брата и сестра Зина. Старший брат Николай погиб на Великой Отечественной войне.

Когда жили на хуторе в единоличестве, держали коров, нетелей, овец, свиней. Вся семья много работала. Корма заготавливали для скота, сеяли рожь, сажали все огороднее. Жили зажиточно. Сдавали на заготовки мясо. В то время было сильное воровство. Нас обкрадывали два раза. Первый раз украли свиней и штук восемь овец. Второй раз украли кур, рожь, бельё. В самом начале 30-х годов нашу семью раскулачили. Обобрали все: продукты, одежду, скот. Все наши пожитки свезли в деревню Лахны. Отца забрали в тюрьму, как кулака. Один год он сидел в

тюрьме в Подгороднем, а затем его отправили на Дальний Восток. Вернулся он в 1935 году. У нас дома не было даже ложки, все забрали. Мамка сшила сумку мне и я ходил собираться Христа ради. Ходил в деревни Зуи, Гудилиху, врал, что мы погорельцы из-под Великих Лук. А потом нас добрые люди надоумили написать письмо Калинин о нашей жизни. Оттуда пришел ответ, чтобы всё вернуть. Вернули только скот, а продукты уже съедены, одежда сношена. Тогда мамка вступила в колхоз.

Я учился в школе в деревне Филипцево. Окончил 4 класса. С 1937 года работал в колхозе. Пас телят, потом бороновал на лошадях, возил навоз. В 1937 году наша семья переехала с хутора в деревню Самсоново добровольно (уже сселяли с хуторов). В Самсоново мы перевезли дом, хлевы, амбар.

Когда началась война, немцы пришли к нам в конце августа, к Успенью. Первый раз их я увидел, когда приехали они к нам на мотоциклах, стреляли в русских солдат. Солдаты выходили из окружения и зашли в деревню, в дом к Федыке-соседу попросить хлеба, а тут немцы. Наши стали убегать, а немцы стреляли по ним и одного убили, двоих ранили, а ещё один был в уборной и остался жив. Убитого солдата похоронили в Самсонове. Солдат из окружения выходило много. Мой батя шёл из Озерца и встретил наших солдат, они спрашивали про немцев, а те в бинокль увидели и начали стрелять. Когда немцы уехали, Колька Гусев нашел гранату и кинул под камень, чтобы взорвалась, играли так. Граната взорвалась, камень на части, а у Федыки-соседа раскрыло крышу. Ещё к нам в деревню приезжал карательный отряд, искали партизан. Осенью карательный отряд согнал всех жителей, женщин отдельно, мужчин отдельно, партизан не нашли и всех отпустили. Один немец подозвал меня к себе и дает мне в руки петуна и ножик, а я не понимаю, что ему надо. Подошел второй немец, отрубил петуну голову и стукнул меня ножом по голове, я пригнулся, а он мне куриной шеей с кровью возит по лицу. Офицер вышел, залопотал на солдат, взял меня в дом, заставил вымыться. Страху я тогда натерпелся.

В 1942 году, когда прогнали немцев, в июне месяце меня взяли в ФЗО. Жили мы на Арбате, ходили разгружать баржи. Кормили нас хорошо, ходили в Кремль на экскурсию. Но все равно стали разбегаться по домам. Со мной вместе были братья Лебедевы из Озерца: Лешка и Павлюк. Лешка играл на мандолине,

был веселый. Он залез в шкаф в конторе, взял там печать «Отпущен» и ставил всем на документах. Потом его поймали и нас отправили на обучение слесарному делу. В августе мы убежали. Шли пешком до станции Крюково (там были сильные бои, о них нам рассказывала одна женщина). Она купила нам билеты домой, но в поезде прошла проверка документов и нас высадили, чтобы мы возвращались в Москву. Пошли пешком домой, очень хотелось есть. На помойке нашли селедочную голову, сосали втроем. Пришли в Андреаполь, там сели на поезд калининский, доехали до Бологого и шли пешком до второго Бологого. Очень хотелось есть, в лесу мы нашли подосиновиков, на поле украли картошки, бабка дала кастрюлю, сварили и без соли съели. Пришел поезд, а мне не забраться в вагон. Помогла женщина, втянула меня в поезд. К Успенью пришел я домой. Из колхоза в Москву посылали запрос, чтобы меня отпустили, а я уже дома. Вернувшись домой, я вступил в истребительный отряд. Ловили дезертиров, заставляли работать тех, кто не хотел.

В 1943 году меня призвали в ряды Красной Армии. Попал служить под Калинин зенитчиком, охранять водохранилище под Дубной (Кимрский район). Потом переправили под Москву. В 1945 году нашу часть расформировали и мы работали в колхозах на уборке урожая. Домой вернулся я в 1947 году. Матери уже не было в живых, она умерла ещё в 1944 году. Погиб на войне и старший брат Николай.

Я начал работать в колхозе: пас коров, работал в поле на разных работах, работал в строительной бригаде. В 1948 году женился на Прасковье. Вырастили и воспитали пятерых сыновей. До глубокой старости держали корову и разный другой скот, птицу, ухаживали за огородом.

Анна Никитична Граничева

Родилась я в ноябре 1925 года.

Когда началась Великая Отечественная война, мне исполнилось 16 лет. В конце августа 1941 года немцы

оккупировали Торопецкий район. Жить стало очень тяжело. За солью и спичками ходили через лес в Торопец. Если кто шёл по дороге, то многие не возвращались, были убиты или задержаны. Немцы боялись партизан.

Когда Торопец освободили, по приказу Сталина нас, подростков, призвали на работу в ФЗО. Отправили меня по северной железной дороге в город Свердловск. Сначала я попала в Нижний Тагил, в город Кушва. Работала день и ночь токарем на военном заводе. Изготавливали мы снаряды для фронта. Пускали на завод только по пропускам.

Кормили нас очень плохо. Подавали на обед варёную мороженую брюкву, когда она разваривалась, всплывали наверх черви. Я очень скучала по своей матери, несколько раз убегала домой, но меня ловили и возвращали назад.

Потом направили на другой завод, на золотые прииски в глухую тайгу. Дали хлебные карточки. Работали мы посменно, но работа была тяжелее прежней. Но очень хотелось домой и опять решили с подругами бежать. Ушли ночью по тайге, пришли в город Кушву, ждали поезд. Но нас опять поймали и предупредили, что если мы опять убежим, то нас осудят и тогда – тюрьма. Попала на другую работу, в литейный цех. Получила общежитие. Больше бежать не стала. Наоборот, трудилась хорошо. Меня ставили в пример. За работу там меня наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг».

Война кончилась, но домой ехать не разрешали. Я много плакала и переживала о матери. Шесть лет тяжёлого, недетского труда, без родных и близких. И не знала, живы они или убиты. Домой я возвратилась лишь в 1948 году. Вышла замуж, родила сына Виктора.

Всю свою жизнь прожила в деревне Нишевицы. Работала в совхозе «Торопецкий»: сначала рабочей, выполняла работу по наряду, потом работала телятницей. Награждена медалью «За трудовую доблесть».

Валентина Павловна Иванова

Родилась я в деревне Зенково в 1927 году. В нашей семье было всего двое детей: я и сестра Евгения 1934 года рождения. Мама, Мария Ивлевна, с 1904 года рождения, папа, Осипов Павел

Осипович, с 1905 года. Папа был очень хороший, меня звал «зайчик», «петушок». Он очень любил детей. Родители работали в колхозе, а нам давали задание на день – нажать серпом корзину картошника, следить, чтобы не улетели рои пчел, гонять корову в поле. Скот кормили плохо – вениками, шелухой от картошки. Корова давала мало молока, а надо было сдать и государству. Собирали сметану, возили продавать на базар, хоть какие деньги получить.

Ещё до войны начали сселять всех в деревню Семенцево. Отец не согласился.

В Семенцево была начальная школа, я туда ходила 4 года, а в пятый класс ходила в Баранец. Успела его закончить до войны. А уж после войны закончила 6-й и 7-й классы. Жила на квартире у учительницы Соловьевой Натальи Петровны.

Когда началась Великая Отечественная война, папку сразу забрали на войну. От него пришло одно письмо. Потом пришла похоронка или извещение, что пропал без вести – не помню. Он участвовал в обороне Москвы. Немцев первый раз я увидела в конце лета в своей деревне. Мы с ребятами ходили в болото за клюквой, пришли домой, а там немцы. Но у нас они вели себя тихо. Собрали продукты и ушли. Взрослые помогали партизанам продуктами. Во время войны мы работали в колхозе. Коней не было, работать приходилось на быках. Возим дрова, бык упрется и не идет, вот наплачешься, пока заставишь его идти.

После войны нашу семью всё-таки заставили переселиться в Семенцево. Было очень трудно, папки-то нет. Дом строили толокой. Во время стройки дома мама очень сильно простудилась и заболела воспалением легких. Хорошо, что у нас жила её сестра, наша тетя, она и помогала нам по хозяйству.

После окончания семилетки в Баранце, я продолжала работать в колхозе. Отправляли нас на лесозаготовки в Мартисово. Продукты брали из дома, когда они кончались, ехали домой. Потом прислали мне повестку из сельсовета и пригласили меня работать счетоводом. Из колхоза не отпускали, но председатель сельсовета Красноумов Александр Петрович дал справку и тогда отпустили. Работать было тяжело, ходила пешком из Семенцево три километра туда и обратно. Дороги плохие, грязь, осенью и зимой день маленький, темно. Ходить боялась, поэтому меня встречала сестра. В 1950 году я уехала на Север. Там работала по

вербовке мамина подруга и уговорила меня. Нашли мне жениха, хохла, но я с ним не стала дружить, он сильно пил. Потом за него вышла замуж моя сестра Женя. Он стал сильно болеть, и они уехали жить на Украину.

На севере жила я в городе Кировске. Он находится между двух гор. Работала на рудниках. Потом одна знакомая посоветовала устроиться в воинскую часть на работу. Приняли меня писарем в штаб. Поработала писарем и перешла работать завхозом в детский дом. Работая там много рукодельничала, вязала крючком, вышивала. Со своим мужем Ивановым Николаем познакомилась на Севере. Он тоже приехал туда работать с Украины. Мы скоро расписались, но на работу он не мог устроиться и уехал на Украину домой. Там устроился работать киномехаником и стал звать меня к себе. Но знакомые меня отговорили, и я взяла отпуск и поехала на родину в Семенцево. Отпуск был большой – 56 дней. В это время Николай переехал в Кировск, устроился работать на рудник. В бараке дали нам комнату. Там мы и жили, там родились у нас дети – Таня и Саша. Потом мы получили двухкомнатную квартиру. Николай не давал мне работать, десять лет не работала, была домохозяйкой. Потом стала работать уборщицей в магазине. Каждый год на лето детей возила в Семенцево к маме. Добираться было трудно с детьми, дороги были очень грязные.

На Севере работали до пенсии, пошли с 50-ти лет. И вернулись мы в Семенцево, купили дом. Муж продолжал работать. Он работал сторожем в гараже в совхозе «Кудрявцевский» в деревне Озерце. Я вела домашнее хозяйство. Как и все в деревне держали корову, овец, свиней, кур. На огороде выращивали овощи, картошку. Со скотиной много работы. Надо заготовить сено, другие корма.

Дети выросли, выучились. Таня библиотекарь, живет и работает в Великолукском районе. Сын Саша живет Озерце. У нас трое внуков. Дети и внуки все хорошие.

Антонина Васильевна Волкова

Я родилась в марте 1927 года в деревне Синичино Калининской области. Мать звали Дарья Кузьминична, а отца – Василий Иванович Кудрявцев. Перед войной мы жили в деревне Мартисово. Отец работал лесником. Когда началась война, отца

забрали на фронт и он погиб в первые месяцы войны. Мы, пятеро детей, вместе с матерью переехали в деревню Нишевицы. Мне в это время было 14 лет. Как могли мы помогали матери.

В мае 1942 года сельский совет вручил мне повестку, в которой сообщалось, что я должна ехать на работу в ФЗО. Привезли нас в Торопец на железнодорожный вокзал, подогнали товарный поезд. Таких как я было много, наверное, несколько тысяч. Нас повезли и мы не знали куда. Пока добирались до Урала, нас много раз бомбили немецкие самолёты. Мы бежали, прятались в лесу, но многих своих подруг не досчитались.

Так я попала на Урал. Нас повели пешком через лес 25 километров. Завод находился в лесу, окружённый огромным забором. Место, куда я попала, называлось Нижне-Сергиевский завод. На этом заводе изготавливались снаряды для фронта. Они были тяжёлые, мы их смазывали, а потом грузили в вагоны.

На этом заводе я проработала 7 месяцев. Потом нас повезли в Свердловскую область станция Егоршино, город Артёмовский. Поселили в общежитии. А работать мы стали на гидроэлектростанции (ГЭС). Строили мы плотины. Пришлось учиться и осваивать новую профессию – электромонтёр. Много раз приходилось спускаться под воду, чтобы проверить оборудование, которое работало на плотине. На меня одевали водолазный костюм, очень тяжёлый, подвязывали верёвкой и опускали под воду. Работая электромонтёрами, мы с подругами лазали по столбам и тянули электропровода. В городе было две шахты и когда в них проводили свет, надо было спускаться под землю. Это было и опасно, и страшно. Потом, когда пригнали пленных немцев, работать стало легче. Каждой из девчонок досталось по несколько человек пленных и немцы работали под нашим командованием. Работали в три смены.

Жили мы в общежитии. В одной комнате нас было 16 человек. В 15 лет мы уже научились жить и работать самостоятельно.

На обед нам выдавали карточки, по которым мы получали по 500 граммов хлеба в день, а также крупу, масло, жир, капусту. Мы экономили на хлебе: брали меньше положенного. И к выходным у нас получалось 2 буханки сэкономленного хлеба на всех. Тогда мы брали одну буханку хлеба и несли её на рынок. Там меняли её на ведро картошки. И это было для нас праздником.

В апреле 1947 года я вернулась домой. Вышла замуж за фронтовика Волкова Василия Ивановича. Работала в совхозе «Горопецкий» рабочей, потом телятницей. Перед выходом на пенсию работала в столовой.

Мария Антоновна Касаткина

Я родилась в феврале 1929 года в деревне Молостово Серёжинского района Бельковского сельсовета. Семья наша была большая: отец, Антон Михайлович Виноградов, мать, Дарья Романовна, братья Николай, Алексей, Степан, сёстры Антонина, Галина и я, Мария.

Когда началась Великая Отечественная война, отец и старший брат ушли на фронт. Сестра Антонина вместе со взрослыми женщинами, чтобы спасти колхозный скот, погнали его на территорию Калининской области, куда, думали немец не придёт. Брата Лёню забрали в ФЗО. В деревне с матерью осталось ещё четверо детей.

Я запомнила на всю жизнь тот день, когда впервые увидела немцев. Наши войска отступали. В тот день у нас в доме было шесть красноармейцев, которые зашли к нам поесть и отдохнуть. Наш дом стоял у дороги. Поэтому все обратили внимание на колонну, которая приближалась к деревне. Это были немцы. Они ехали на мотоциклах в чёрных плащах и касках. Так я впервые увидела немцев и мотоцикл. Для нас мотоциклы были в диковинку. Наши солдаты схватили свои ружья и бросились бежать. Когда они скрылись в овраге, мать обнаружила, что они забыли патроны. Она заметалась по комнате, не зная куда их убрать. Хотела запихать патроны в печь, но я посоветовала вынести их на улицу. Вдруг немцы остановятся у нас и захотят затопить печку. Тогда бы мы пропали. Сложили мы патроны в подола платья и выбежали на улицу, спрятали под котёл.

Немцы жили в деревне трое суток. Они нам ничего не делали. Ловили кур, отбирали еду, но нас не трогали.

Потом мы переехали в деревню Нишевицы. Там находился военный госпиталь. Мне уже было 13 лет и надо было ходить на работу. Мужчин не было, работали женщины и дети. В военное время жили трудно: варили кашу из комбикорма. Из гнилой

картошки, которую копали ранней весной, пекли лепёшки. Надо было обрабатывать колхозную землю. Копали мы вручную. Норму нам давали 2,5 сотки. Тягали мы вручную лён, жали серпом рожь. О тех временах осталась отметка на пальце, нанесённая серпом.

Я научилась запрягать лошадь, единственную оставшуюся в деревне по старости и непригодности. Нам давали наряд на работу. И мне каждый день приходилось запрягать лошадь и на ней подъезжать к госпиталю. Много солдат умирало от ран и болезней. Солдаты грузили мне в телегу умерших и я отвозила их в общую яму. Взрослые снимали их с телеги и закапывали, я на них не глядела. Я их только возила. Недавно я показала это захоронение ребятам из поискового отряда. И поисковики выкопали 68 тел солдат и перезахоронили их в братской могиле в деревне Подгороднее.

После войны было тяжело, но мы радовались, что война кончилась и мы живы. Вышла я замуж за Касаткина Николая. У нас родились дети: дочь Галина и сын Алексей.

Я потом работала в совхозе «Торопецкий» рабочей, потом несколько лет работала почтальоном, техничкой в конторе совхоза.

Мария Павловна Луц

Я родилась в Алтайском крае в Парфёновском районе в селе Плоско-Сёминово в многодетной семье в 1930 году. В семье было восемь детей. Моя мама, Мария Прохоровна, 1903 года рождения, была малограмотной. В документах она расписывалась печатными буквами. Отец, 1902 года рождения, был грамотный, особенно хорошо давалась ему математика и он всегда помогал нам, детям, решать примеры и задачи. Он очень хотел, чтобы мы были грамотными. Родителей у него не было. Мать очень рано умерла, а отца его расстреляли как врага народа.

Жили мы в сельской местности. В колхоз вошли первыми, и отец в силу своей грамотности работал и председателем колхоза, и секретарем сельского совета. Мама ходила на работу в колхоз на общие работы. Помню сенокос, женщины сядут на большую конскую телегу и с песнями едут на работу и с работы едут, поют. Наша мама пела очень хорошо, у неё был сильный голос. Хорошо

пел и отец. Старший брат мне рассказывал, что когда они пели вдвоем дома, заслушаешься.

Учиться в школе я начала до войны. Начальная школа была в нашем поселке. Поселок был большой. Был свой медпункт, сельский совет, магазин. В войну, конечно, было голодно. Прибежишь на переменке домой, схватишь морковку или брюкву, очистишь и бежишь, жуёшь ее на ходу. Вот такой был обед. Очень хорошо помню, как учились. Тетрадей и чернил не было. Писали на старых книгах, газетах. Чернила делали из химических карандашей, какого цвета карандаш, такого цвета и чернила. Некоторые дети делали чернила из сажи, свёклы, марганцовки. Чернилами из марганцовки напишешь, а потом все письмо пропадет. Вот как учились, очень хотели учиться. Окончив начальную школу, я пошла учиться в поселок Зелёная роща, что был в 6-ти километрах от нашего поселка. Жила на квартире у крёстной. Голод был страшный. У крёстной было трое ребятишек, и она сказала мне, чтобы я питалась отдельно. Что я ела? Картошку да лук, а если мама даст подсолнечного масла, то это был праздник. Один раз зимой с подругой Раей захотели пойти домой. Началась сильная метель, мы заблудились и очень замерзли. Куда идти не знали, и я предложила пойти по телефонной линии. Мы еле дошли до дома, окоченели. Мама меня сразу положила на печку согреться. Потом я сильно заболела и стала слабая здоровьем, часто болела. В этом поселке я окончила 7 классов, а в 8-м классе училась в школе поселка Зимино, жила у родной сестры мамы. В 9 классе я училась в Ребрихе и жила на квартире у маминой подруги. Ко мне относились там как к родной дочери, до сих пор вспоминаю их с благодарностью. Когда началась война, отца забрали в рабочий батальон. Он работал на военном заводе в Рубцовске. Это был тракторный завод имени В.И. Ленина, эвакуированный из Харькова и переоборудованный в военный. Моя старшая сестра Аня, 1923 года рождения, и брат Володя, 1924 года были мобилизованы на фронт. В поселке из девушек мобилизовали только нашу Аню. Мама очень переживала за них, часто плакала и заработала болезнь сердца. Но Бог сохранил Аню и Володю, и они вернулись с фронта живыми.

В 1947 году отец приехал и забрал нас в Рубцовск. Я пошла работать на завод, в моторный цех на участок шатуна. Работала на 4 станках сверловочных и шлифовочных. Работа была очень

тяжелая. Сильный шум, стружка летит, охлаждающая густая жидкость течет на одежду, которая сразу становится мокрой. Мама очень жалела меня. Отработала я на заводе 9 месяцев.

Сестра Анна вышла замуж, и её как военнотружущую и её мужа направили в Забайкальск в военный городок. Она родила ребенка и сильно заболела воспалением легких. Ей было очень трудно и она попросила маму, чтобы она послала кого-нибудь из детей помогать ей. Мама отправила меня, так я оказалась в Забайкальске. Сначала я работала в детском саду, но у меня не было педагогического образования, и когда приехала воспитательница с образованием, я перешла работать в госпиталь. Работала в приемном покое.

В Забайкальске на танцплощадке я познакомилась со своим будущим мужем Павлом. Он служил там замполитом. В 1952 году мы поженились, регистрировали брак на станции Бырка, а в 1953 году родилась наша старшая дочь Нина.

В 1955 или в 1956 году вышел приказ Министерства обороны о выведении войск из Китая и в Забайкальске стали сокращать военный состав. Под сокращение, в первую очередь попали замполиты и в том числе Павел. Мы стали решать, куда нам переехать жить. Я предлагала Павлу ехать в Рубцовск к моим родным. Но он не захотел. Сказал, что, мол, у вас город и участки под огород далеко, да и картошка родится не всегда, а у него на родине она родится каждый год. Вот и решили ехать туда, где жили его родители, в Калининскую область Торопецкого района в деревню Барсуки, что недалеко от Воробьёв. Павел поехал в Торопец устраиваться на работу. Его взяли инструктором райкома партии по Подгородненской зоне. Мы переехали жить в деревню Мартюхи. Мне предложили работать в магазине деревни Городок, а сначала отправили на курсы продавцов в Райпотребсоюз, которые через три месяца я окончила, сдав экзамены на пятерки. Примерно через год Павла направили работать в Пятницкое МТС. Наша семья переехала жить в деревню Пятницкое. Работала я в магазине. Работать было нелегко. Население большое, соответственно и товарооборот был большой. Приходилось ездить за товарами в Торопец, грузить, разгружать. В Пятницком у нас прибавилась семья, родился сын Сергей.

После закрытия МТС в Пятницком, Павла направляют работать в Озерец секретарем парткома и вскоре председателем

колхоза в Кубаниху. Приехали мы в Кубаниху, жить негде. Мария Ермолаева жила вдвоем с мамой, и они пустили нас жить к себе в холодную избу. Мы перегородили её, оклеили, вставили двойные рамы, сложили печь и стали жить. Работать я пошла в магазин. Потом мы построили себе дом и переехали от Ермолаевых. Держали, как и все в деревне, корову, овец, свиней, кур. Семью нужно было кормить, а в магазинах тогда мало было продуктов, только самое необходимое. В Кубанихе у нас родилась младшая дочь Галя. После организации совхоза «Кудрявцевский», Кубаниха вошла в его состав, мы переехала в деревню Озерце в 1971 году. Павел Николаевич стал работать секретарем парткома совхоза, а мне директор совхоза Фролов Петр Ильич предложил возглавить детский садик. Работа для меня новая, поехала на курсы заведующих детскими садами в Калинин. Окончив курсы, заведующей детским садом проработала недолго. В Озерце построили новый продуктовый магазин и мне предложили место заведующей. В магазине я проработала до пенсии. Наши дети выросли, обзавелись семьями, живут отдельно. Старшая дочь Нина работает, как и я, заведующей магазином в Озерце. Сергей живет за рекой в деревне Мандусово, он на пенсии. Младшая дочь Галя с семьей живет в Твери. Муж, Павел Николаевич, умер в марте 1989 года. У меня 5 внуков и 6 правнуков. До сих пор стараюсь трудиться и в огороде, и по дому. Интересуюсь жизнью страны, читаю газеты.

Эльза Георгиевна Егорова

Я родилась в 1931 году в деревне Беляево Торопецкого района. Отец – Егор Семёнович, 1903 года рождения, мать – Нина Николаевна с 1906 года. Нас, детей, было двое: я и мой брат Том. Ещё с нами жила бабушка Матрёна, мать моего отца. Отец работал в магазине, мама была учительницей в школе. Держали мы и своё хозяйство – была у нас корова, овцы, куры. Имелся сад и огород.

В 1938 году семья переехала в город Торопец. Жили в квартире на 2-м этаже в доме на углу улиц К. Маркса и Ленина. В 1939 году родился мой брат Юрий. Как сейчас помню, какие красивые ёлки наряжались в нашем доме, как мы радовались празднику. Я,

конечно, играла в куклы, их у меня было несколько, и они были такие красивые.

В Торопце я пошла в школу, которая находилась на улице Некрасова. Во время войны её разбомбили. Сейчас на этом месте находится Сбербанк. Со мной в одном классе училась Маргарита Левашова.

До войны отец работал директором организации, которая занималась заготовкой леса. Принимал он участие в Финской войне.

О начале Великой Отечественной войны мы узнали по радио. Отец был в первые дни призван в армию. Помню, как мы их провожали. Всех мобилизованных собрали «в рощах», а уже оттуда на машинах увезли на вокзал. Отец воевал под Москвой, принимал участие в обороне канала им. Москвы. Он был коммунистом, политруком. А папин брат, дядя Федя, был главным инженером на этом канале.

В августе, перед приходом немцев многие торопчане были эвакуированы. Нам повезло, в последний момент отказалась ехать в эвакуацию жена Семёнова, который уходил в партизанский отряд. Она уехала к родственникам в деревню и вместо неё на одну из двух машин, на которых уезжали семьи ответственных работников, взяли нас с мамой и братьями. Мы уехали ночью на одной машине с Исаковыми (семья первого секретаря райкома партии), Ширяевыми и Бухарковыми. А утром Торопец заняли немцы. Об этом мы узнали, когда приехали в Андреаполь. А перед городом Калининым мы видели парашютистов, которые спускались с неба. Нам объяснили, что это немецкий десант.

Поехали мы дальше и добрались до Кашина. Поселили нас на квартире на улице Гражданской. Хозяева у нас были хорошие. Там я первый раз мылась в русской печке.

Нам выдавали пайки, мама ездила по близлежащим деревням и часть пайка меняла на хлеб и зерно.

Когда освободили Торопец от немцев, мой брат Томка вместе с Бухарковым убежали в родной город. А вскоре и мы поехали домой. Исаковых забрал муж, а мы возвращались в Торопец в теплушках. Приехали, а квартира наша занята, в ней живёт семья главного врача. И мы стали жить у маминой сестры Клавы на улице Комсомольской. Дом находился как раз напротив кладбища церкви Жён Мироносиц. В самой церкви был какой-то склад. Муж

тёти Клавы был на фронте, а она жила с дочерью, которая потом умерла. После освобождения Торопца от немцев всё ещё продолжались бомбардировки города. Бомбили чаще всего вокзал, воинскую часть, разбомбили и школу на улице Некрасова. Самолёты летели так низко, что видны были кресты.

Время было тяжелое, голодное. Хлеб получали по карточкам, отстояв километровые очереди.

Но, несмотря ни на что, детство у нас было. Мы часто собирались возле церкви и играли в лапту, штандер, другие игры. Летом много купались. Заводилой в наших играх был Миша Родин. С подружкой Верой Спиридоновой мы часто ходили в кинотеатр «Звезда», правда приходилось стоять длинные очереди за билетами.

Однажды мы ездили в Великие Луки к дяде и на площади видели пленных немцев, которые разобрав завалы, строили какое-то здание. Их, конечно, охраняли, охранников было много.

Потом мы из дома тети Клавы переехали в другой дом, на улице Комсомольской, 63.

Я опять пошла в школу, которая находилась рядом с почтой, сейчас в этом здании находится Дом детского творчества. Там я училась до 7 класса.

В 1946 году вернулся отец и стал работать в райкоме партии, потом возглавлял «Заготлён». Нам дали квартиру на улице Соловьёва. Дом был очень холодный и мы поменялись на дом по улице Широко-Северной. Там у нас был свой огород. Мама в это время получила инвалидность, поэтому занималась домашним хозяйством. В доме у нас была хорошая библиотека, кроме книг Ленина и Сталина, которые нужны были отцу для работы, была и художественная литература, в основном классика. Брат Том работал инструктором райкома партии, секретарём райкома комсомола, а затем уехал в Ленинград. Брат Юра сначала работал в сбербанке, а потом тоже уехал в Ленинград, где работал на строительстве кораблей. Я в 1948 году поступила в Торопецкое педагогическое училище, окончив которое уехала в Таджикистан, где работала учительницей русского языка и литературы, а также преподавала немецкий. В Таджикистане я проработала до 1956 года. В 1953 году умер отец, мать много и часто болела и меня отпустили домой. Я вернулась в Торопец, устроилась на работу в детский сад воинской части, в котором проработала до пенсии.

Работая в саду, я возглавляла комсомольскую организацию воинской части. Вышла замуж, родился сын Андрей.

Активно занималась художественной самодеятельностью, в хоре Дома культуры пою с начала его создания.

Годы войны и послевоенное время не могу вспоминать без слёз – слишком тяжело.

Антонина Васильевна Полякова

Я родилась в деревне Голахово Зубцовского района в 1931 году. Мой отец, Еремеев Василий Васильевич, 1902 года рождения, а мама, Еремеева Евдокия Яковлевна родилась в 1909 году. Родители работали в колхозе. В семье у нас было трое детей. В нашей деревне не было школы, и мы учились в соседнем селе Ивановское за 4 километра. Там была школа десятилетка. До войны я окончила 2 класса и 2 класса в войну.

Немцы к нам пришли в октябре 1941 года, а на Крещение 1942 года всё население угоняли в Германию. Шли мы пешком. В Ивановском сельсовете было 11 деревень, немцы сожгли все дома в деревнях. Когда мы остановились ночевать в деревне Семеновская, мать попросилась попить и хозяйка нас спрятала. В мае 1942 года мы вернулись к бабушке в деревню Александровка и лето у него жили.

Когда началось наступление наших войск, немцы стали отступать и погнали местное население с собой. В Смоленской области в деревне Москалево немцы нас бросили. Мама пошла в деревню и встретила нашего солдата, он сказал, что вечером будут наступать. Началось наступление, наши прошли и налетели немецкие самолеты и стали бомбить. Было жутко, спрятаться нигде: как мы остались живы, не знаю. Примерно через неделю пошли мы назад, домой. На переправе у моста было большое скопление наших солдат, машин, танков. Опять налетели немецкие самолеты, начали бомбить переправу. Неба было не видеть, бомбили сильно, везде лежали убитые солдаты, мирные жители, части человеческих тел, горели машины, танки, везде крики, стоны. Жуть! Этого никогда не забыть. Во время бомбежки мы прятались в кустах и чудом остались живы.

От фронта дошли до деревни Александровка, где жил дедушка. Его дом был цел. Пожили у него и вернулись в свою

деревню. Жить было негде – всё сожжено. Выкопали землянку, там и жили. К зиме сложили печку. Питались чем придется. Собирали рожь на полях и её ели. В послевоенные годы было плохо с питанием. Не было соли, ели щи с крапивой. Ребятишки ходили в воинскую часть, по помойкам у столовой собирали хвосты, головы от селетки. Повар один раз дал соли. Шли домой, лизали эту соль (сейчас так сахарный песок не лижут). Женщины ходили за 10 километров за рожью на семена, и мы ходили. Несем рожь, сядем отдохнуть, возьмешь горсть ржи, съешь.

Все стали работать в колхозе, налаживать мирную жизнь. Пахали: женщины ходили за плугом, а мы водили быков. Были голодные, уставали, и не понять – не то ты его ведёшь, не то он тебя. В деревне Ивановское стали строить маленькие дома на две семьи и переселять нас из землянок.

Перед войной мой отец работал на железной дороге, у него была бронь и на фронте он не был, зато попал в плен к немцам. Выжил там, его освободили американцы и увезли в Америку. Вернулся он в Россию в 1948 году.

Отработала я в колхозе с 1943 года по 1947 год. В 1947 году председатель отпустил меня из колхоза. С подругой ушли в Погорелое городище на льнозавод, который вырабатывает льноволокно. Производство вредное, очень шумно, пыльно, дышать трудно. Жили в общежитии в одной комнате 7 человек. Хорошо помню, как отменили карточки на хлеб. Привезли на завод вволю хлеба. Давали по буханке хлеба на человека и конфеты круглые. Мы пришли в комнату, поставили ведро воды на стол и ели.

На заводе я отработала 40 лет (30 лет в 3 смены) до 1986 года. Замуж вышла поздно, в 1954 году. Муж работал в Заготзерне. Дочь Света родилась в 1966 году. В деревню Семенцево Торопецкого района переехала, чтобы быть поближе к дочери. Тут тоже без дела не сию. У меня огород, есть курочки, за всеми надо ухаживать.

Валентина Яковлевна Скрыдлова

Родилась я в деревне Едриково в 1932 году. Семья у нас была большая, до войны было 4 брата и я, после войны родилось еще четверо. Родители мои, папа, Жемчужин Яков Иванович, с 1902 года рождения и мама, Анна Григорьевна, с 1905 года были очень

работящие и нас всех приучили трудиться. Жили мы очень дружно. Держали много скота – лошадей, коров, овец, свиней, разную птицу. На полях сеяли горох, рожь, лен, сажали картошку. Из льна делали масло. Заготавливали корма для скотины. Не ленились, ходили в лес за грибами, ягодами, ели свежими и заготавливали на зиму – сушили. Мы жили в Едриково до 1948 года. Покупных игрушек в детстве у нас никаких не было, но мы играли в прятки, делали самодельные игрушки.

Немцы к нам в деревню пришли в августе 1941 года, к Успенью. Дети были дома, а мамка копала картошку. Во дворе у нас было 15 уток, всем немцы сразу оторвали головы и всех уток забрали себе. Мама прибежала из поля, вынула хлебы из печки, они и хлебы все забрали. Искали партизан. В войну жили тяжело, часто голодали. Когда освободили Великие Луки от немцев, прошел слух, что будут вешать немцев, я и брат Геня пошли пешком смотреть. А сами и не знали, что такое вешать, насмотрелась и недели две не могла спать, боялась. Когда возвращались и проходили это страшное место, у немцев на ногах уже не было сапог. Дома рассказывали своим, как мы ходили в Луки.

Когда закончила 4 класса, пошла работать в колхоз «Победа», что был в Семенцево. Мамка, отправляя работать говорила: – «Делайте то, что люди делают». Отправляли нас на земляные работы, копать канавы вдоль дорог от Озерца до Рокотово. В Рокотове ходили отдыхать к Барановой Наде. Дружила с Лидой Веселовой, мы всегда работали вместе. В колхозе строили скотный двор, так мы на себе носили драницы из мха. Мох был в трех километрах, мужики там драли дранки. Одежда и обувь у нас были самодельные. Родители умели делать поршни с головками и с задниками их и носили. Дома тоже не сидели без дела, работали. Пахали свой огород на себе, запрягались в плуг и так обрабатывали землю под картошку, Огород копали лопатами.

В Семенцево нас переселили в 1948 году. Родители не хотели переселяться, но пришли из колхоза, сняли с дома крышу и всё – переход. Дело было весной, мы переехали жить в Семенцево в «берзин» сарай. Папка отрезал полдома и перевез в Семенцево, врезал стену, там и жили. Мне приходилось пол мыть каждый день, семья большая, а места мало. Стали заготавливать лес на новый дом. Лес возили братья на быках. Делали все вручную,

пилили лес на пол, потолок. Посадим папку на санки (он был после войны без ноги) и везем в лес, он выбирает елки, которые надо резать. Вот так и построили новый дом. Дрова тоже заготавливали сами ребята. Спилили дерево, а оно упало брату Жене на ногу, и получился открытый перелом. Нам комля не поднять, кое-как его вытянули и на саночках привезли домой. Папка сразу взял драничины, завязали и ногу подвесили к детской люльке. Он кричал день и ночь. Больницу немцы сожгли, обратиться было некуда. Нога срослась неправильно, брат хромотает до сих пор. Но в армии он служил.

В 1953 году я вышла замуж за Скрыдлова Дмитрия. Его отправили учиться на комбайнера, а я пошла работать на ферму дояркой. Работала сначала в колхозе «Победа», что был в Семенцеве, после образования совхоза «Кудрявцевский» работала там же до пенсии. Муж, Дмитрий Иванович, работал механиком по механизации животноводческих ферм. С мужем вырастили двоих детей. Дочь Рая живет в Великих Луках, сын Владимир в Озерце директор школы. Дети хорошие, есть внуки, часто навещают нас.

Жанетта Сергеевна Вихрова (Павлова)

Я родилась в 1932 году в городе Торопце. Моя мать, Павлова Зинаида Филипповна, 1910 года рождения. Отца своего я не знала. Мы жили втроём: я с мамой и бабушка.

В 1934 году мама вышла замуж за Рябова Константина. Семья увеличилась: родились мои братья Лёва, Борис и сестра Лариса. А в июле 1941 года родилась ещё одна сестра – Света.

Жили мы на улице Кутузова, 13. Имелся у нас свой огород, держали и хозяйство: корову, поросёнка, кур. Этим и жили, работали день и ночь, семья-то большая.

Мама работала на вокзале в магазине, а отчим был каким-то начальником, имел воинское звание и постоянно находился в разъездах. Потом он принимал участие в Финской войне.

Когда настало время, я пошла в школу, которая находилась на Зыковой горе. В это время я заболела, у меня была аллергия и руки покрылись волдырями, поэтому я ходила в перчатках.

Когда началась война, отчима вызвали в воинскую часть и оттуда никого в город не выпускали. Мы с мамой ходили его

проведать, носили ему поесть. Примерно недели за две до прихода немцев их куда-то отправили и больше мы о нём ничего не слышали, никаких известий о нём не было.

Вскоре в город пришли немцы. Отчётливо помню, как несколько немецких солдат вошли в соседний дом, в котором жили наши богатые соседи. Хозяйка выставила на стол еду, угощала их молоком, а слепая бабка всё приговаривала, что пришли, наконец, освободители. Похожа она была на колдунью и мы, ребята, её боялись. А однажды, когда нашей маленькой Свете мама попросила молока, соседка отказалась, сказала, немцы придут, что я им на стол поставлю?

В первые дни, когда немцы вошли в город, жители начали грабить магазины и склады. Тащили всё: соль, зерно, полотенца, материю, стулья. Женщина, которая жила через дом от нас, притащила около сотни кальсон. А ещё одна соседка по прозвищу «Ворона» несла тюк ваты весом 40 кг. Когда проходила мимо немца, который приезжал за молоком, то показав на свои босые ноги, сказала, что вот мол как я живу, босиком хожу, а вы избавители наши. Мама моя никуда не ходила

А через несколько дней, на наших глазах, на огородах через 3 дома от нашего, расстреляли 2-х наших пленных солдат. Когда их привели, немцы заставили их вырыть могилу, а потом расстреляли. Один из них сильно кричал, просил оставить ему жизнь, упал на колени. Другой принял смерть молча. Потом немцы их сами закопали. Когда город освободили наши, то тела этих солдат перезахоронили.

На стадионе долгое время находились наши пленные. Стадион был обнесён колючей проволокой. Жители города ходили к стадиону и бросали им за проволоку картошку. Куда их потом отправили, я не знаю, а с литейного завода каждый день доносились выстрелы, там убивали пленных.

Я как-то была дома одна, мама ушла зачем-то к соседке, ребятинки где-то бегали. Вижу, немец стучится в окно. Страшно было, но я открыла. Зашёл он на огород, а там свёкла посажена, капуста, лук уже вытяган, мелкий в тот год он был. Всё он чего-то говорил, говорил, ничего не взял, просто посмотрел, что у нас растёт и ушёл. Оказалось, что это был агроном.

Однажды к нам в дом зашли два финна, высокие, здоровые. Кто-то донёс, что у нас есть патефон. Они перерыли весь дом,

забрали патефон с пластинками, хорошо, что мама успела под половицей спрятать пластинки про Сталина. А когда они уже выходили, заглянули в чулан, а там в кадке было сложено мясо: мы только что зарезали тёлку и рассчитывали с этим мясом продержаться какое-то время, семья ведь большая. Финны бросили патефон, сложили мясо в большую ванну с двумя ручками и понесли. Мама бросилась к ним и не пускала, тогда один из них пригрозил маме автоматом. Бабушка кричала маме, чтобы она отстала от них, а то убьют, а она останется одна с пятью детьми.

Мама побежала к соседке тётке Тане, плакала сильно, что осталась семья без еды. А у той в доме стояли лётчики немецкие. Носили они такие чёрные мундиры. Один из них и спросил, чего мол она плачет. Собрались они и пошли к нам в дом. А в прихожей у нас стояла кровать и мы, ребяташки, все впятером на ней сидели. Глянул один немец на нас, покачал головой. И пошли они за финнами, те не успели далеко уйти. Мы видели, как они их догнали и долго, наверное, с полчаса с ними о чём-то разговаривали. Потом взяли ванну с мясом и принесли её назад, в общем, спасли нашу семью от голодной смерти.

Потом у нас заболела Света, она ведь была совсем маленькая. Мама грудью её не кормила, молока не было. Всё тело Светы было покрыто нарывами, места живого не было. У мамы на животе тоже были нарывы. А у маминой подруги на квартире жил немецкий врач и когда подруга рассказала ему про Свету, он велел её принести. Когда Свету принесли, он приказал развернуть её в прихожей, сам из комнаты не вышел, смотрел на неё оттуда. Потом дал кусок мыла. Показал, что надо развести его в воде и в этом растворе подержать её 15 минут. Потом дал тюбик с мазью и велел смазывать девочку этой мазью. Мама два раза Свету помазала и все болячки исчезли. Сама она тоже вылечилась этой мазью. Получается, что этот немец спас жизнь моей сестры и мамы.

На улице Карла Маркса располагался карательный отряд, стреляли по тем, кто выходил из дома. В один из дней согнали всех взрослых, заходили в каждый дом и выгоняли. Бабушку не тронули, оставили. А всех согнали в Дом культуры, целое здание народу набилось. Напротив поставили пулемёты. Оказалось, что кто-то убил немца, и пока не признается тот, кто это сделал, всех сожгут. Продержали их там больше суток. Потом пришёл один

мужчина и признался, что это он убил немца. Только тогда всех отпустили. Страх у нас был постоянный.

Помню, как мы с мамой полоскали белье на речке, а недалеко гуляли немцы, они развели костёр на берегу, пили, ели, песни орали.

Но нас, слава Богу, не тронули.

Через месяц к нам на постой пришли пять немцев. Они заняли большую комнату, а нам всем пришлось ютиться в маленькой спальне. На калитку они повесили какой-то знак, что, мол, здесь живут немцы, и чтобы никто больше сюда не ходил. Когда они уходили из дома, мы с братом Лёвкой лазили через шкаф в их комнату и отрезали от буханки себе кусок хлеба. Я в жизни такого вкусного хлеба не ела. Он был очень вкусный, плотный и от него шёл такой хороший запах! Продукты они от нас не забирали, но мама, на всякий случай, держала кур под полом. Четверо немцев были спокойные, а вот один очень вредный, задира. Он, как-то, обвёл рукой горло, как будто завязал верёвку и поднял 2 пальца, что означало, что мы ваших двоих повесили. А мама у меня не могла этого стерпеть и показала ему, что наши самолёты вас бомбили. Как схватился он за пистолет и гонит её во двор стрелять! Бабушка кричала криком, боялась, что он её застрелит. Немцы стали его уговаривать и еле-еле его успокоили.

У одного из немцев завелись вши, так немцы заставили мамку топить плиту в хлеву, в котором мы раньше держали поросят. Нагрели много-много воды и они так шпарили его там!

Один немец всё время приносил мне конфеты. Даёт мне, а сам улыбается, а я начинаю делить сразу по едокам. И пока я не разделю, пока не съедим мы, он не уходит, всё стоит и смотрит. А когда уходили они в январе, он мне принёс вот такое громадное яблоко, красное-красное. Где он только такое взял? Ну, тоже я разделила его между ребятами, всем досталось по кусочку.

Голодали мы конечно, еды почти не было, не было ни соли, ни сахара (сахар забрали финны, нашли его под шкафом, куда мама его спрятала. Ели мы лепёшки из гнилой картошки с лебедой. Мы с мамой ходили по деревням, чтобы выменять что-нибудь на продукты. Однажды она меня с собой взяла, заставляла побираться, а я наотрез отказалась. Ни за что не соглашалась. В одной деревне нас очень хорошо накормили, поставили на стол картошку с мясом. Это было так вкусно!

Когда началось освобождение города, мы ушли к соседке и спрятались у неё в погребе. А бабушка отказалась, сказала, что не пойдёт, пусть её убивают.

А мы все спустились погреб, он был сделан очень хорошо, засыпан землёй, укреплён дёрном и никакие звуки до нас не доносились. Время от времени мы открывали дверь и слушали. Вышли мы из подвала, когда уже стрелять перестали. Слепая бабка соседка, которая радовалась приходу немцев, ворчала, что антихристы явились. А по домам торопчан стали искать разграбленное в начале оккупации. У кого находили что-то, то их забирали. У нас, конечно, ничего не было, а у мамы спросили, кто занимался грабежами. Мама сначала рассказала про «Ворону», а когда человек, который с ней разговаривал, схватился за пистолет и потребовал, чтобы мама его отвела к этой соседке, она отказалась, ведь у Вороны был маленький ребёнок.

По городу ходили пленные, которых освободили с литейного завода. Ходили они по домам и выпрашивали еду. Они были очень страшные, одна кожа и кости. Мы их боялись.

На квартире у нас стояло сначала четверо наших солдат, а потом поселили какого-то важного офицера.

И хоть Торопец освободили, немцы ещё продолжали бомбить город. Напротив нашего дома упала зажигательная бомба и солдаты бросились её тушить. Помню, как во время бомбёжки (а бомбили железную дорогу) стоял сильный грохот, а осколки бомб падали рядом со школой. Когда бомбили станцию, мы залезали на чердак, а весь наш дом ходил ходуном. Когда самолёты налетали стоял страшный гул, а один из солдат очень боялся бомбёжек, и как только услышит, что самолёты летят, то бросался под кровать и я за ним. Как потом смеялись над нами, что головы мы прятали под кроватью, а тело оставалось на виду.

А однажды мама шла на работу в магазин и взяла с собой мою сестру Ларису. А в это время немцы начали бомбить вокзал. Мама с Ларисой спрятались где-то под мостками. Было очень страшно и Лариска от страха кричала: «Мамочка, зачем ты меня родила?»

Мама устроилась на работу в пекарню, а потом в магазин на вокзале. Однажды во время налёта магазин разбомбили, сгорело всё. Накануне приехала мамина сестра, тётя Лиза, и часть своих вещей оставила у неё в магазине. Все её вещи тоже сгорели. После

этого мама стала работать в железнодорожном магазине, который находился в самом городе.

После освобождения города стали давать карточки. Чтобы их отovarить, приходилось долго стоять в очереди. Получали по карточкам хлеб, муку, крупу, однажды дали селёдку.

Я ходила в школу, сначала в ту, что находилась на Зыковой горе, а потом мама перевела меня в железнодорожную школу. Там я какое-то время проучилась и перешла в вечернюю школу. Мама вскоре вышла замуж за Яна Яновича Бритыня. Зажили мы хорошо, он жил в Великих Луках и возил товар по магазинам.

Я поступила в Осташковский финансовый техникум, вышла замуж за Вихрова Владимира. Он был из эвакуированных и жил недалеко от нас.

Расписались мы с ним. Первое время жили с мамой, потом уехали в Арзамасскую область, в город Кулебаки, где я работала в налоговой инспекции. Там у нас родился сын, но он умер маленьким. Похоронили сына и вернулись в Торопец. Я болела сильно, сердце больное было. Лечила меня очень хороший доктор – Валентина Петровна Егорова. Два раза по путёвке я ездила в санаторий: в Сочи и в Кисловодск.

Жили мы с мужем во флигеле своего дома на улице Кутузова, 13. Родились дети: сын Юра и дочь Наташа.

Я работала сначала в сельпо, потом в Райпо бухгалтером. Ходить было далеко. Однажды я шла, задумалась и вдруг меня кто-то хватает за плечи и откидывает назад. Оказалось, что я чуть не попала под поезд, а проходивший мимо мужчина меня спас. Я и сейчас иногда встречаю его в городе.

Потом я работала председателем ревизионной комиссии. Обошла своими ногами весь Торопецкий район. Хотела перейти в универмаг бухгалтером, непустили. В Райпо я проработала до самой пенсии.

Брат Лёва строил трассу Абакан-Тайшет, имеет государственные награды. Сейчас живёт в Федькове.

Сестра Лариса тоже училась в Осташкове, она много поездила по стране, а сейчас живёт в Воронеже. Младшая сестра Света работала в Твери прорабом, там получила квартиру и сейчас там живёт.

Живу я одна, муж умер 3 года назад. У меня 5 внуков.

А вот книжки про войну читать не могу, да и фильмы военные не смотрю: переживаю сильно.

Борис Степанович Лапченко

Сам момент начала войны как-то не помню.

В июне того года мои родители — Степан Панкратьевич и Евдокия Егоровна — как многие жители больших городов, отправились в отпуск. На свою изначальную малую родину. В деревню Шейно, что в Торопецком районе ныне Тверской области. Отдохнуть, проведать своих сестёр и братьев.

Отца, мы тогда еще не знали почему, отозвали из отпуска задолго до его окончания. А вслед за ним вернулись домой, в Ленинград, и мы с матерью. Так началось моё блокадное детство.

Мы жили в деревянном, двухэтажном доме, на Московско-ямском проспекте. Теперь его нет. Он перестроен и переименован. И нынешние молодые питерцы, скорее всего, даже не знают о нём. Но я вижу его таким, каким он был. Память сохранила многое. Отца, ещё до начала войны, призвали в войска ПВО.

Перед нашим и соседними домами была большая поляна. Там намечалась стройка, были сколочены сараи и лежали кучи досок. Мы, ребятишки, собирали на поляне подорожник, лебеду, щавель - всякую траву, из которой наши матери пекли лепёшки. Отламывали от досок сосновую кору. Измельчали на тёрке и добавляли в лепёшки. Они были горькие. От них тошнило. Но голод был сильнее.

Однажды на поляне меня вдруг кто-то поднял на руки, и я увидел отца. Он был в гимнастёрке и пилотке. А мимо плыл огромный, серебристый газгольдер. Солдаты вели его на стропах через поляну, и командир разрешил отцу отпустить свою стропу и подойти ко мне.

Отец спросил: «Где мама?..» И сунул мне в руку небольшой засохший кусочек солдатского хлеба. А сам побежал догонять товарищей. Я, забыв о хлебе, долго смотрел ему вслед - как он взялся за свою стропу и пошел в ногу с остальными. И всё оглядывался на меня, пока газгольдер, удаляясь, не превратился в огромную сороконожку, ползущую по земле.

Из этих газгольдеров наполняли газом аэростаты заграждения. Ночью их поднимали в воздух в надежде, что в темноте немецкие

самолёты будут наткаться на них и падать. Но фрицы быстро научились расстреливать их. И они, вспыхивая, факелами падали на землю.

Мать призвали на строительство оборонных сооружений под Пулковом. И она чуть не погибла там. В суматохе внезапного боя, организаторы работ бросили женщин. Их спасли военные. Мать добиралась домой пешком под бомбежками, артиллерийскими обстрелами. Я не знаю, что случилось бы со мной, если б она погибла, и если бы не наши соседи по квартире, бездетные старички дядя Коля и тётя Шура Нуцкие. Они любили меня, как родного. А когда мать призывали «на окопы», заменяли мне её. И даже подкармливали из своих блокадных пайков.

Вкус блокадного хлеба помню до сих пор. 150 граммов — маленький ломтик некоего серо-зелёного вещества, совсем не похожего на хлеб. Он был горьким и водянистым, почти как травяные лепёшки. У нас, в кухне, была дровяная плита, и мать сушила хлебные пайки на ней. Потом разламывала на кусочки. И мы пили с ними кипяток. Это было не так горько и, как нам казалось, чуточку сытнее.

Тем, кто пережил блокаду, вряд ли надо рассказывать о бомбёжках и обстрелах города. Мы слышали звук немецких дальнобойных орудий. Глухой стук, будто деревянным молотком по доске. Вслед за ним - вой снаряда. А там, куда он упал — клубы чёрного дыма. Город горел и был в дыму.

Дядя Коля с соседями ещё по лету вырыл во дворе дома окоп, закрыл его досками и брёвнами со стройки. Но мы редко прятались там по тревоге. Чаше выходили на крыльцо, на улицу.

Так было меньше страха. Наверно потому, что всё вокруг видно, и нет слепого ожидания.

Нам повезло. Рядом с нашим домом упала большая фугасная бомба. И... не взорвалась. Мне повезло дважды. Осенью 41-го, пока голод еще не был столь уничтожающим, мы начинали учиться в школе. Во двор школы упала бомба. И тоже не взорвалась. Взрослые говорили, что это антифашисты в Германии делают такие бомбы, которые не взрываются.

Мы, дети, очень скоро перестали бояться бомбёжек и обстрелов. Выбегали на улицу смотреть на воздушные бои наших лётчиков с немецкими. Самолёты кружились, как в

фантастической карусели. И мы радовались, если, задымив, падал немецкий самолёт. Но чаще падали наши.

Было очень интересно смотреть, как рядом с немецкими бомбардировщиками в небе возникают, рассыпаясь в фантастические соцветия, белые облачка - рвутся снаряды наших зениток. Нас не пугали даже осколки этих снарядов, что с визгом падали на землю. Один из таких осколков - кусочек рваного, зазубренного металла - я тайно от родителей увёз в эвакуацию. Он хранится у меня до сих пор.

Страшнее и мучительнее обстрелов и бомбёжек был голод. Особенно лютой, морозной зимой 41-го. Мы с тётей Шурой — мать днями была на работе, она работала на слюдяной фабрике, которая в годы блокады, как почти все ленинградские предприятия, стала оборонной — ухаживали за соседкой сверху. Она лежала распухшая от голода, почти недвижимая. И помню, как перед смертью сказала тете Шуре:

- Я сегодня видела сон. Лежу. Живот у меня разрезан, а дворник метлой выметает из него остатки еды. Не ходи больше ко мне, не трать сил. Я всё равно умру...

Зимой отца ранило на фронте. Мать, узнав об этом, засобиравшись к нему в госпиталь. Мы оделись, как можно теплее, и пошли, куда-то за Неву, по льду. Лёд на Неве был весь в замерзающих лунках — пробит бомбами и снарядами. Дома — в развалинах. Из-под снега торчали головы, ноги, руки замерзших и убитых людей. Живые, как тени, медленно брели. Кто — с чайником на Неву за водой. Кто тащил волоком труп умершего от голода или убитого родственника, завернутый в простыню либо одеяло, а то и просто в одежде.

Отец встретил нас на лестнице внутри госпиталя. Правая рука в гипсе. Сам худой, истощённый. Мать кинулась к нему. И...упала без сил. Врачи понесли её куда-то. А я стоял и смотрел, как отец плачет. Когда мать поднимали на носилки, из кармана у нее что-то выпало и покатилося по лестнице. Это были два небольших сухарика. Из своей блокадной пайки она ухитрилась подкармливать меня. И вот отцу несла подарок.

На обратном пути, уже по сумеркам, мы нашли в снегу штык от трёхлинейки. Принесли домой. Мать понимала: нас с этим штыком могут забрать патрули. Но уступила моей просьбе. Я насадил штык на палку и сказал матери:

- Теперь пойду воевать. Мы прогоним фашистов. И я принесу домой много хлеба. А еще — сахара.

С сахаром у меня связана другая память. В самом начале блокады фашисты, рассчитывая уморить ленинградцев голодом, намеренно и варварски сожгли самые крупные в городе Бадаевские продовольственные склады. Продукты горели. И ручьи жженого, расплавленного сахара текли из-под забора, смешиваясь с землёй. Мать, как все, кто мог и успел, ходила туда собирать этот сахар. Опускала в кипяток. Земля оседала. А горько-сладкий раствор мы пили, вместо чая.

Летом отца выписали из госпиталя. Из-за ранения его списали «по чистой». А осенью нас - семью фронтовика - эвакуировали через Ладожское озеро. И тут мне (нашей семье) снова повезло. Я не очень верю в судьбу. Но не могу найти другого объяснения случившемуся. Нас переправляли через Ладогу на каких-то судах, похожих на катера. Мы были последними в очереди на катер. И уже шагнули к трапу. Но какой-то мужчина, провожавший свою семью, оттолкнул нас. И мы остались ждать следующего рейса. Тот катер фашисты потопили. Мы переплыли озеро без бомбёжки и обстрела. И я до сих пор считаю, что живу за кого-то другого, погибшего вместо меня.

Потом был эшелон из теплушек. Целый месяц нас с остановками, бомбёжками, обстрелами, пожарами и смертями, но уже без голода, везли до станции Буздяк, в тогдашнюю Башкирскую АССР. Оттуда, прожив в эвакуации целый год, мы семьей переехали в село Шейно, о котором я писал в начале своих воспоминаний. Меня поднимала мать: отец вскоре умер.

Здесь продолжались мои уже послевоенные детство и юность. Окончил школу-десятилетку. Работал в колхозе, в леспромхозе. Три года служил в армии. Отслужив, вернулся в Торопец, в районную газету. Поступил на заочное отделение факультета журналистики Ленинградского университета. Работал собкором областной газеты, писательской газеты «Литературная Россия». Издавался в солидных московских издательствах и журналах. Был принят в Союз писателей СССР - ныне России. Пишу. Издаюсь. Организовал вместе с сыном Александром издательство «РИТА» - Русские Издания Талантливых Авторов. Издаём известных писателей и молодёжь. Состою членом Координационной коллегии всемирной общественной организации НДЭАМ

(Ассамблея Мира). У меня два прекрасных внука. Один учится в Академии. Второй кончает среднюю школу.

Вот написал о них и вспомнил, как сам пришёл поступать в университет в солдатском обмундировании. Надо мной никто не посмеялся. Никто не вымогал у меня денег за вступительные экзамены. Будучи журналистом, объездил по редакционным заданиям и вместе с семьёй автотуристом на своей машине всю европейскую часть страны. Мы могли без страха быть ограбленными ночевать под любым кустом. Нас, как желанных гостей, принимали в городах и сёлах Белоруссии, Украины, Молдавии и других республик совсем незнакомые люди. Такое было время. Такая страна — СССР. И такой народ.

Наши отцы, матери, старшие братья и сёстры отстояли эту Великую страну в борьбе с кровавым и беспощадным германским фашизмом, рвавшимся к мировому господству. Подняли её от военной разрухи до космических высот. Моё поколение детей войны поднималось вместе со страной, отдавая ей свои знания, силы и труд. И вот теперь созданное нашим умом, трудом и талантом присвоили новоявленные олигархи.

Послушные своим заокеанским вдохновителям известной страны, которая, подобно фашистской Германии сороковых годов прошлого столетия, рвётся владеть и управлять Миром, нынешние российские реформаторы от капитализма предали дело наших отцов и матерей, нашего поколения детей войны. Развалили СССР, страну, что кормила и обустроивала пол-мира; что первой вывела человека Земли в космос. А Россию, усечённую ампутацией бывших, братских республик, превратили в торгашеско-потребительское государство, похожее на дом, в котором вот уже почти 20 лет всё перестраивается, реформируется и жить нормально невозможно.

А чтобы новое поколение россиян не знало о прошлом, послушные перестройщикам идеологи от капитализма, делают всё, чтобы вытравить из ума и сердец наших детей и внуков память о великом подвиге Советского народа, о Великой стране СССР. Развалив и оболгав её, пытаются утопить сознание молодёжи в грязных потоках лжи, клеветы и пропитанных кровью, насилием и сексом теле- и кино- «шедевров» с Голливудской помойки, обрушиваемых на слушателей и зрителей по каналам современных, «свободных» СМИ. И уже добиваются до самого

святого — до Знамени Победы, решая спрятать его от народа, заменив неким полотнищем без Серпа и Молота — главного символа трудовой страны. Забыв, что тем, кто под этим Знаменем обеспечил Великую Победу, они обязаны своей жизнью и своим капиталом, который, обескровливая Россию, усердно перекачивают в иностранные банки, проматывают в заграничных злочных местах и притонах.

Да. Они могут сделать вид и доказывать, что всё так и должно быть, что не было ни Великой страны Социализма — СССР, ни Победы Советского народа над фашизмом, ни самого этого народа, а были некие презираемые «совки», которые не жили, а лишь покорно существовали в тоталитарной стране.

Но есть построенное и созданное этим народом. Есть Великое Советское искусство и литература. И живы ещё мы — наше поколение детей войны и нашей Советской Родины. Нам есть что рассказать молодым. И не вся молодёжь России с ними.

Память народа невозможно вытравить никакими усилиями. Как невозможно уничтожить и сам народ.

Любовь Васильевна Попова

Я родилась в 1934 году в деревне Спиридово Ленинского (ныне Андреапольского) района. Мой отец, Василий Константинович Константинов, родился в 1909, а мать, Анастасия Алексеевна, в 1908 году. Мой отец и его брат Никита были женаты на родных сёстрах: отец на Анастасии, а Никита на Марии. И мы все были дружны, мои двоюродные сёстры были мне как родные. Кроме меня в семье были ещё младший брат Василий и сестра Лида, которая умерла от болезни в возрасте 5 лет. В этой же деревне жила наша бабушка Лиза. Родители работали в колхозе имени Кирова, мать на свиноферме, а отец, скорее всего, занимал какую-то должность, потому что, как я помню, он всегда ходил в костюме. Было у нас своё хозяйство: держали корову, поросят, овец, кур. Помню, что в детстве мне приходилось пасти овец. Имелся у нас и огород.

Я начала учиться в Горецкой начальной школе в селе Горки.

В Финскую войну отца призвали в армию и он погиб в 1939 году. Когда началась Великая Отечественная война, мы конечно все боялись прихода немцев. На огороде вырыли землянку, чтобы

в случае опасности прятаться от немцев. Помню, как мы полностью одетые, сидели на крыльце дома и смотрели в сторону Торопца. Видели на небе зарево и понимали, что скоро немцы придут и в Спиридово, и готовы были бежать. Немцы появились в деревне и начали грабить мирное население: забирали кур, поросят, сало, требовали молоко. Было страшно. Немцы долго не задержались, уехали. А потом приехала команда немцев-строителей. Они строили большак от Хотилиц до Андреаполя. Через дорогу, напротив нашего дома, в большой избе находился их штаб. У нас в доме жило человек пять. Они были спокойные, нас не трогали. Когда один из них пытался приставать в маме, она пожаловалась переводчику, и немец от мамы отстал. Мой брат Вася перед этим переболел дизентерией, был так слаб, что не мог сам забраться на лавку. Один из немцев, глядя на Васю, показал, что у него дома осталось 5 детей и что война – это плохо, и они не хотят воевать. Нас они не грабили, а даже угощали кофе.

Когда немцев прогнали, пришли наши. Нас временно переселили в деревню Саньково, где у нас были родственники. В нашем доме находились раненые. А на нашем большом сарае сделали вышку.

После освобождения от немцев, я пошла в Хотилицкую школу. Жили трудно, голодно, на каникулах работали в колхозе: и на быках пахали, и зерно на гумне молотили, и скот колхозный пасли. Когда я закончила школу и решила поступать в Торопецкое педагогическое училище, мама завела свиноматку, чтобы собрать мне денег на одежду, на обувь, на жизнь в чужом городе. Так мама и выучила меня своим трудом. А ведь ей и на работе приходилось несладко: она всю жизнь проработала на свиноферме. Была передовой свинаркой, неоднократно получала грамоты и даже была награждена медалью.

Когда я училась в Торопце, то жила у родственников в Колдино. Молодость брала своё: мы ходили в кино, на танцы в Дом культуры и городской сад. А на танцах в клубе Колдино я познакомилась со своим будущим мужем Виктором Поповым. Он был родом из Мордовии. Когда его с земляками привезли в воинскую часть в Торопец, то перед строем спросили, кто из них умеет считать на счётах. Виктор умел и его назначили помощником к старшине, который был заведующим складом. В 1954 году я закончила педагогическое училище и мы с Виктором

поженились. У меня одновременно был выпускной и свадьба. Расписались мы в Василёве, в Колдино тётя накрыла стол, а потом мы поехали в Спиридово и там тоже скромно отпраздновали это важное в нашей жизни событие. Муж остался на сверхсрочную, а я поехала на работу в Хотилицкую школу. На выходные он ездил ко мне на велосипеде или шёл пешком через Мартисово. Через год я вернулась в Торопец. В Колдино мы сняли флигелёк, потом жили у родственников на Володарской, позже купили дом на этой же улице, в котором я и живу до сих пор.

Родились у нас дети: дочь Людмила и сын Игорь. Сын был болезненным и рано умер.

Муж по-прежнему был связан с армией, работал в воинской части в деревне Лесной, был заведующим складом. Я дважды ездила на курсы в Москву и получила профессию логопеда. В 1960 году устроилась на работу в Знаменскую вспомогательную школу: сначала работала логопедом, а потом воспитательницей. На работу из Торопца ездила на велосипеде. Приходилось подрабатывать, поэтому часто домой из Знаменского возвращалась по темноте, иногда с подругой Любой Суборниковой, иногда ходила одна. В 1976 году вспомогательную школу закрыли и я стала работать логопедом во 2-м саду в Торопце, а с 1995 по 2001 годы - логопедом, а потом воспитательницей в саду № 4. Старалась работать хорошо. Имею грамоты и благодарности, фотография моя висела на Доске почёта.

Мой брат Василий был призван в армию, служил в Сибири, там и остался после службы.

Строил Красноярскую ГЭС, это была комсомольская стройка. В вечерней школе Вася получил среднее образование, собирался поступать в институт. Мама летала к нему, хотела там пожить, но не смогла из-за климата. Мы забрали её к себе. Вася семьи создать не успел. Рано умер. Что с ним случилось, нам никто не рассказал. Просто пришло сообщение о его смерти. Мы с мамой летали на похороны в Красноярск. Хоронили его с почестями, с почётным караулом. Вася лежал в гробу как живой: молодой, красивый, ему бы жить и жить, а вот такая судьба. Как мы всё это с мамой пережили, не знаю, горе было огромным.

Но жизнь продолжалась, я по-прежнему работала в детском саду. Ну, а время пришло, вышли с мужем на пенсию. Муж долго и тяжело болел, потом ослеп, был прикован к кровати. Я тоже

перенесла инфаркт, потом инсульт. С нами в это время жил наш внук Вася. Он за нами и ухаживал. Я ему очень благодарна. Когда муж умер, ко мне переехала жить моя дочь Людмила.

Но Вася по-прежнему мне много помогает: и он, и его жена Анечка. Они меня навещают, привозят продукты, в общем, присматривают за мной. А теперь у меня появился и правнучек Андрюша. Дай Бог здоровья всем моим родным и близким!

Таисия Викторовна Павлова

Родилась я в 1935 году в деревне Захоломье, близ неё был хутор Плинтовка. В семье была единственным ребёнком. Отец, Павлов Виктор Павлович, был председателем колхоза, мать, Марфа Владимировна, работала в колхозе, бабушка, Ксения Петровна Лазарева, работала в полеводстве. Конечно, держали хозяйство, был небольшой сад. На столе всегда была картошка, молоко, яблоки, сливы. Но для меня лакомством была морковь и бабушкины оладушки, которые были нежные и от них веяло теплотой и добротой. Я часто это вспоминаю.

У отца была сестра тётя Поля, которая была замужем за вдовцом Савельевым Василием Садоновичем. У этого вдовца было трое сыновей: Николай, Дмитрий, Леонид и дочка Катя. А у тётки Поли была дочка Маша и был у них общий сын Миша (в дальнейшем он погиб на войне). Семья их была не бедная, но и не богатая, среднего уровня, так как Василий Садонович имел свою лавку в деревне Захоломье. Его сын Николай в дальнейшем стал полковником, жил в Приморском крае, Дмитрий был комсоргом на одном из аэродромов Ленинграда, Леонид был младшим офицером. По словам моей мамы они были интеллигентной и образованной семьёй. Василий Садонович и детям старался дать многое, хотя бы, чтобы все сыновья читали. Они действительно читали и ходили брать книги в Шешурино, в библиотеку Куропаткина, потому что в то время не было библиотек. Библиотека у генерала была большая и разнообразная. В дальнейшем появилась библиотека в деревне Краснополец. А в библиотеке Куропаткина были должники, которые не сдали книги, среди них были и Савельевы. Моя мама ходила к ним, она тоже

любила читать, и, видимо, по каким-то обстоятельствам книга Жуковского оказалась у нас.

Через какое-то время мой отец уезжает в Ленинград к брату Дмитрию, который работал на аэродроме. Перед войной мы с мамой ездили к отцу. Я помню смутно, что у отца была очень маленькая комнатка. А из маминых рассказов знаю, что я маленькая потерялась. Они с отцом вышли на улицу и не заметили, как я ушла домой, в комнатку. Они испугались, очень долго меня искали на улице. А я забралась в кухонный шкаф и уснула. И только потом они меня нашли. Мне тогда было лет пять.

Когда началась война, отец был в Ленинграде и в дальнейшем умер во время блокады. Я осталась с матерью в деревне. И она меня воспитала и растила.

Когда в нашу деревню пришли немцы, жители ушли в лес. Мне было 6 лет и я радовалась, что буду вместе со всеми жить в лесу, не понимала, как это страшно, но скоро осознала, что значит война. Жители скотину отогнали в лес, что могли, сложили в сундуки и тоже ушли в лес. Мама захотела что-то из дома взять, подошла к дому и видит: сидит на колхозной кобыле немец в кальсонах. И как-то маме объясняет, что у него в Германии тоже есть ребёнок. Он дал нам бутылку мёда (в деревне была небольшая колхозная пасека, которую немцы разорили) и мы опять ушли в лес.

В то же лето приходили в деревню каратели, они всем жителям говорили, что Сталину – капут! Видели мы, как однажды через лес, где мы находились, немцы вели мужчину, затем его расстреляли.

Было страшное время: и голод, и холод, но мы чудом выжили. Об окончании войны я узнала от мамы. Был тёплый майский день, цвела сирень. Я сорвала веточку сирени, она так душисто пахла. А я радовалась, что кошмар закончился, но не знала ещё, как трудно будет восстанавливать всё после войны. Люди работали с утра до ночи, и мы помогали, хоть и были небольшие: смотрели за скотом, жали рожь, овёс молотили – трудились наравне со взрослыми. Мама рассказывала, что я сплю, а сама во сне руками хватаю по инерции. После войны я пошла учиться в школу, стала обучаться грамоте. Закончила начальные классы, очень любила читать, такой у меня был интерес к книгам, захватывающий. В четвёртом классе я прочитала «Войну и мир». Книги брала в библиотеке. В школе любила литературу, математику (алгебру). Любила выводить

формулы. Педагоги в нас много вкладывали, они были мудрыми: Яковлева М.Я, Соловьёва Н.И. Из Торопца – Поляченкова О.П. В школу я ходила в плохонькой одежде, жили мы бедно. Я всегда стеснялась своих старых ботиночек (по-старому их называли поршни). Они были сшиты из телячей шкуры. В сырую погоду они размякали и мне казалось, что ноги у меня как у лягушки. Я всё время прятала их под парту. В Краснополецкой школе я закончила 7 классов. Пошла со своей подругой Надеждой Тихоновой в Плоскошскую школу, а после её окончания я поступила учиться на киномеханика в город Загорск Московской области. Сейчас это Сергиев Посад. Работала киномехаником на передвижке (Плоскошский отдел культуры) и много, много читала. Директором был Рябинин В.Е., Галан П.П. Потом наш район соединили с Торопецким. Киносеть была отделена от Отдела культуры. Директором был Фёдоров И.

Заочно я окончила сельскохозяйственный техникум, училась на бухгалтера-экономиста. В 1976 году меня избрали председателем Профсоюзного комитета совхоза «Краснополецкий».

Когда мы были молодые, отмечали праздники – Троицу, 9 октября – Иоанна Богослова и наш захоломский – «Вознесение». Любимый праздник в моей семье – Пасха. Молодёжь тогда была весёлая, дружная. Ходили друг к другу в деревни на ярмарки.

С работы меня отправили в дом отдыха в Дзинтари, за Ригой, на побережье Балтийского моря. Там был очень красивый пляж, сосны. Запомнился один момент: я сидела на берегу и читала книгу, а рядом рисовал художник. Я и не знала, что он рисует меня и была так удивлена. На мне была голубая юбка и кофта розовая, гипюровая. В то время это было красиво. Я хотела забрать свой портрет, но художник сказал, что набросает мой портрет карандашом, и чтобы я пришла за ним к ресторану, а этот портрет он оставит себе. Я побоялась и не пришла. Иногда думаю о том, что где-то мой портрет в Риге висит. Была я в Крыму, в Петербурге (Ленинграде). И со мной, где бы я ни была, всегда была книга: какой-нибудь роман или рассказы. И я, как киномеханик, прокручиваю в голове фрагменты из разных книг.

Я родилась в 1935 году в деревне Вязы Лужницкого сельского совета. Отец, Миронов Ефим Миронович, 1907 года рождения. Маму звали Анна Павловна. В семье было 11 детей. Последние двойняшки-мальчики умерли. Родители работали в колхозе им. Свердлова. Братья были трактористами. Мы все, кто мог, тоже работали в колхозе, заготавливали сено, копали картошку, пасли скот.

В 7 лет я пошла в школу в деревню Старинку и окончила там первый класс. Учила меня учительница Анна Алексеевна Никифорова. Жить было трудно. У мамы была машинка, она шила сама всем нам одежду. Льянную тресту воровала в колхозе, трепала её в бане, ночью пряла. А кросны на ткацком станке срезали - нельзя было ткать. Хотя ткацкие станки были в каждом доме. Мама доила коров в колхозе. Был налог одинаковый для всех независимо от количества членов семьи. Сдавать государству нужно было яйца, мясо, молоко. Семья голодала, хоть и держали в хозяйстве и корову, и овец, кур. Я была опухшая от голода, еды на всех не хватало. Корова пропала от голода, её кормили соломой с крыши и то не вволю. Когда я первый класс окончила, тетя Настя из дерени Лахны забрала меня к себе жить. Я жила у тетки 9 лет, жить у неё было сытно. Ходила я в Рокотовскую школу, отучилась там ещё три года.

Когда началась война, отца и старших братьев забрали на фронт. Во время немецкой оккупации к нам немцы пришли к Успенью. У нас мед весь забрали, финны пришли, залили всех пчел, мед тоже забрали. Двое детей: Машу и Лешу увезли в ФЗО. Отец, когда возвращался с фронта, в Торопце встретился с ними. Леша из ФЗО убежал, ночевал по баням. Его возвращали, но он сбежал. А Маша убежала, но ее вернули, потом она работала на заводе. Мать осталась одна.

Два моих старших брата, Илья, 1921 года рождения, и Толя, 1923-го, погибли на войне, а отец с войны домой вернулся больной. Делал ложки, чашки, кадушки, решеты, домики для пчел. Пчел было 25 домиков. Отец год прожил и умер.

Я летом пасла колхозных курят. Щупали кур утром, у кого яиц нет – на улицу, и яйца сдать нужно столько, сколько нащупали. Яйца записывал бригадир Бровкин и забирал их в контору. А потом сдавал в Озерец. Кормили кур отходами с гумна. Работали

от зари до зари. В колхозе косим до обеда под Черным болотом, придём на обед – проезжаем картошку, копаем. Потом приехал брат Леша (7 лет в Германии служил). Леша забрал меня домой к матери, ей тоже надо помогать. Сказал, что сена накосим и он меня возьмёт в Ленинград. Долго думала, но поехала. Сена накосили, а брат меня не берет. Я его проводила до Торопца и вернулась в Вязы к маме. Пошла работать на ферму, доить коров. Была передовой дояркой. Награждали нас за хорошую работу отрезами ситца.

Поехала к сестрам Маше и Ксении в Локню, (они там работали на молокозаводе), чтобы помогли мне одеждой. Я собиралась выходить замуж за Петра Борисова (нужно было собрать приданое, а денег в колхозе не платили). Ксения запретила выходить за него замуж (они встречались с ним раньше). Василий, будущий муж, жил в Волковщине, на гулянку ходили в деревню Выдры, он играл на гармошке, мы там с ним познакомились и сыграли свадьбу. Из всей семьи только у одной меня была свадьба. Жили в Волковщине. Вася сам срубил дом, драл дранку. Потом опутали ребята. Мама не давала делать аборт – грех. Дети уже пошли, было трое. Жили плохо. Стали набирать народ на целину. Мы тоже решили поехать. Лиду свекровь забрала себе. Коле 4 года, Васе полгода. Поехали три семьи в Целиноградскую область. Купили мы мазанку (тут все продавалось, хорошо было). Муж работал шофером, получал 60 руб. Возил продукты по бригадам. Я работала там дояркой.

Местность – степь, один ковыль. Свекровь переехала к нам, стала сидеть с детьми. Появились деньги, держали свиней, купили корову.

Но Василий пил каждый день. Захотела я домой к своему народу, и мы уехали. Приехали в дом к свекрови, купили в Горке избу, перевезли в Волковщину. Строить не стали, денег нет. Что зарабатывали, проедали - покупали продукты. С целины привезли стиральную машину, а света нет – продали.

В 1965 году родила двойняшек, жили мы уже в деревне Метлино. Знала, что будут двойняшки. Косили сено, складывала копны, а на другой день я родила. Дома повесили люльку, положили ребят, а Васька говорит, пойдём метать сено на 2 одонка. Пошла. Идем домой, дети орут. Лиде было 6 лет, она их нянчила, переложила на кровать, они орут, а их же качать надо.

Старшие ребята ходили в детсад в деревню Рокотово. Кроватное бельё из сада носили стирать домой.

Из Метлино переехали семьей в теткин дом в деревню Лахны, а у тетки жил безродный дед по прозвищу «Доброе утро». Когда она умерла, деда мы не выгнали, и он жил у нас, качал люльку. Дед ушел сам от такой жизни. Дети всю ночь не спят – их же пеленать, кормить надо.

Я работала в колхозе, потом, когда организовался совхоз «Кудрявцевский», стала работать в нём телятницей. Из совхоза и на пенсию ушла. Вырастили мы с мужем 6 детей: 5 сыновей и дочь. Муж умер, дети разлетелись, а я так и живу в теткинском доме.

Людмила Ивановна Булатова

Родилась я в городе Великие Луки в 1938 году. Отца звали Кондратьев Иван Яковлевич, он был 1905 года рождения. Мать, Мария Ильинична, с 1900 года. В семье у нас было двое детей. Жили мы на третьей Земцовской улице, у нас был свой дом. Хоть жили и в городе, но держали лошадь, корову.

Отец был призван в ряды Красной армии в первые дни войны с немцами. Я была маленькая, но помню, как отец с мамой куда-то ушли и мама, вернувшись одна домой, упала на кровать и плакала. За мной пришла тетка (сестра отца) и увела к себе, чтобы мама могла побыть одна. Отец домой прислал всего два письма. Мать долго их хранила, но потом они потерялись. Больше отца мы не видели – пропал без вести.

Во время оккупации немцы пришли к нам в дом и я очень испугалась. Они забрали валенки из-за печи. Очень было страшно во время авиационных налетов. Гул самолетов и вой падающих бомб до сих пор стоит в ушах. Город сильно бомбили, и мать решила уходить из города. Собрали нехитрые пожитки, запрягли лошадь, меня посадили на сани в перину, корову привязали за сани и поехали. Ночевали мы в деревне Щербинка. А ехали мы к бабушке в деревню Давыдово. На хуторе, где жила бабушка, были советские солдаты. Помню, как они чистили оружие, прикуривали от чугунки, приносили в дом еду (кулеш, гороховую разварку). Однажды в небе над деревней наблюдала бой самолетов.

В 7 лет я пошла в школу в деревню Баранец. Во время немецкой оккупации в школе была устроена конюшня для немецких лошадей. Парты немцы сожгли для отопления. Первая учительница у меня была Александра Алексеевна из деревни Щеулово, она была очень строга. Помню, как она не разрешала писать пером (сикахой), а другого у меня не было, и она выгнала меня с урока. Я пришла домой и сказала, что больше в школу не пойду. И сколько-то не ходила. Учительница пришла к нам домой и сказала, чтобы я ходила в школу. Мать где-то купила простые перья и я стала ими писать.

За партой я сидела с Валею Васильевой из деревни Баранец (она была дочь бригадира). Русский у нас преподавала Жукова Валентина Федоровна.

Жили мы как все, небогато. Мать бралась за любые работы. Пасла овец колхозных, а летом заставляла меня пасти их, потому что летом в деревне много работы. Брат был младше меня и ему были поблажки в работе.

После окончания школы я поехала учиться в Великие Луки на 2-х годовичные курсы медсестер. Закончила их в 1957 году. Распределили работать в детские ясли № 6 на улице Гагарина.

Я очень любила ходить в кино. Весело смеялась. Вообще была веселая, хохотала без причины. Хотела посмотреть свет и из Великих Лук поехала в город Выборг. Там работала на стройке. Разбирали финскую кладку каменную. Было очень тяжело, платили нам мало. Переехала в город Опочку работать в детский дом ребенка медсестрой. Проработав там некоторое время, вернулась к маме в Давыдово. По комсомольской путевке уехала в Братск на комсомольскую стройку. Предложили работать в яслях. Я не захотела. Дети надоели и на западе. Пошла работать на трассу. Управляющий предупредил, что будет тяжело, но хотелось быть со всеми. Лопатами копали землю, делали насыпь, строили железную дорогу. Управляющий говорил, что сама назад запрошусь, надолго меня не хватит. И правда, было очень трудно. Очень доставал гнус. На руках были браслеты от его укусов. Долго не выдержала, все ждала, когда придет за мной управляющий. Пошла сама, попросилась в ясли.

После года работы, поехала в отпуск в Давыдово. Собиралась вернуться, но осталась дома. В 1961 году устроилась работать медсестрой в Первомайскую больницу. Больница была хорошая:

имелся рентгеновский кабинет, физиокабинет, родильное отделение, лаборатория. Было большое подсобное хозяйство: две рабочих лошади, две дойных коровы, свиньи. Летом скот на пастбище пас пастух, зимой ухаживала за скотом скотница-дойрка и рабочий по скотному двору. При больнице был большой земельный участок, на котором выращивали овощи, картофель. Все работы, связанные с уходом за огородом, заготовкой сена выполняли работники больницы - санитарки, медсестры. Больница полностью обеспечивала себя продуктами питания. На циркулярной пиле мы заготавливали дрова для больницы. Возглавляла большой коллектив фельдшер Шепелёва Александра Николаевна. Грамотная, знающая свое дело, спокойная. Она пользовалась уважением персонала и жителей окрестных деревень. Коллектив был молодой, поэтому при больнице была организована агитбригада. Заводили были Зина Берзина (Попикова) родом из Бридино и Валя Козловская. Мы часто выезжали с концертами по деревням. На лошадях, по бездорожью человек по десять, тринадцать. Один раз приехали в деревню Семенцево, а там из клуба только убрали льняную тресту, кругом костра, а мы с выступлением. Но нас всегда ждали в деревнях и тепло принимали наши выступления. У меня были планы поработать в больнице годик-другой, накопить денег и уехать на Сахалин. Но им не суждено было сбыться. Появилась семья, а в 1962 родился первый сын Олег, затем Андрей. Так и осталась работать до закрытия больницы и жить в деревне Озерец.

Антонина Петровна Бойцова (Захарова)

Родилась я в 1942 году в деревне Стеклино Ленинского района Великолукской области. Мать, Татьяна Нилова, с 1908 года рождения. Отец – Захаров Петр. В семье нас было двое: я и сестра Роза на четыре года меня старше. Родители работали в колхозе.

В начале Великой Отечественной войны отец был призван в ряды Краской Армии и не вернулся. Мама работала сторожем. После бани пошла сторожить скот, простудилась, долго болела и умерла в 38 лет. Понимала, что умрет, плакала, гладила меня по голове. Мы с мамой спали вместе. Дыхание у неё было очень тяжелое, а я подстраивалась под ее дыхание, но не получалось.

После смерти матери мы с сестрой жили вдвоем. Роза закрывала меня дома одну. В деревне у нас было три тётки, но нас никто не взял. В доме одной из них была школа и я бегала смотреть, как учатся ребята. Иногда меня прогоняли, а иногда я сидела на уроках. Потом нас забрали в Андреаполь в детский приемник. Помню, как ехали на лошади, босиком. Из Андреаполя нас перевели в детский приемник города Торопца, а оттуда свезли в детский дом в деревню Знаменское. Там мы с сестрой пробыли два года и очень не хотели, чтобы нас разлучали, но сестру забрали в другой детдом.

В Знаменском детском доме мы жили, учились. На уроках сидели не спокойно. Одежды на всех не хватало и мы думали все только о том, чтобы кинуться к вешалке и схватить одежду, поэтому была свалка, драка. Я была очень маленькая, до одежды не дотянуться и сейчас даже не помню, ходила гулять или нет. В детском доме я училась с 1 по 4 класс. В 5-й класс ходила в школу в деревню Бридино. Одежды и хорошей обуви не было. Были ботинки. Придешь в школу – мокрые ноги, день сидишь, дома сушишь, утром их не одеть, засохли, плачем. В детдоме за плохую учебу наказывали, если получишь двойку – били линейкой. Кормили в детдоме хорошо, но по режиму. Когда подросли, брали из столовой черный хлеб, прятали, потом ели. Для нас в детском доме устраивали праздники, на день рождения дарили подарки, отрезки материала.

В детдоме было много детей. Одежда была у всех под номерами, чтобы не перепутали. У меня вначале был номер 9, потом 18. В школе деревни Бридино я окончила 7 классов.

В 8-й класс ходила в город Торопец, в школу №1. А 9-10 классы училась и жила в детдоме деревни Хотилицы.

Потом нас отправили на работу в поселок Сахарово, работали мы птичницами. Втроем с девочками жили в доме. Из детдома отправили с приданым – байковое одеяло, подушка, постельное белье. В Сахарове отработали около года. Уехали в Вышний Волочек. Стали устраиваться на фабрику «Авангард» ткачихами, но я не прошла по зрению. Пошла зарядчицей на фабрику «Большевичка». Отработала один год.

С подругами в Вышнем Волочке разошлись, работали и жили врозь. В Вышнем Волочке я написала в газету, искала свою сестру Розу. И её нашли в Ростовской области в городе Гуково, где она

работала продавщицей. Мы с ней стали переписываться. Из газеты узнала, что в Нелидове есть училище, где учат на мастеров-сыроделов. Поехали с подругой поступать и поступили. Стала учиться, стипендия – 18 рублей, не прожить на эти деньги, помощи нет ниоткуда. Сдавала кровь по 5 рублей за 100 граммов. Один раз сдала 200 грамм, а питание было плохое, упала в обморок. Очнулась, медсестра дала горячей сладкой воды. От профсоюза дали 5 рублей. Роза присылала одежду.

На практику меня отправили в Селижарово, работать стала за зарплату. Отработала там хорошо, звали приезжать после окончания училища на работу. Сдала экзамены, вызов прислали, но я туда не поехала. Приехала в Торопец, отправили меня в деревню Скворцово, проработала там месяц, затем отправили в деревню Яшутино на маслозавод мастером. В день мы обрабатывали по 7 тонн молока. Делали сыр, масло, сливки, всю продукцию отправляли в Торопец. Работа была тяжелой. На маслозаводе я отработала 13 лет. Уволилась и пошла работать в сельсовет бухгалтером, проработала там 1 год. Председатель колхоза Резов предложил квартиру и работу завхозом в детсаду. Из-за жилья согласилась. Потом вернулась на завод, отработала ещё 2 года. Затем устроилась лесником-бухгалтером в лесничестве.

В 1964 вышла замуж. Александр Бойцов возил на молокозавод молоко с ферм. Там и познакомились. Я жила у Марии Ефремовой на квартире в деревне Яшутино. Саша долго звал замуж. Приехали сваты – согласилась. Семья у жениха была большая: 3 брата, свёкор, свекровь. Жили все вместе. Мужа взяли в армию, сыну Олегу было тогда 7 месяцев, а я оставалась жить в доме свекрови. Когда муж вернулся из армии, мы перешли жить в совхозную квартиру. Там у нас родилась дочь Марина. Детей мы с мужем вырастили, выучили. У нас уже трое внуков. Дети живут в городе Великие Луки. Я до пенсии работала в совхозе «Кудрявцевский» лаборантом, бригадиром полевой бригады. В Озерце мы купили дом и живем теперь в своем доме. Дети часто приезжают к нам, помогают по хозяйству.

Ответственный за выпуск - А.В. Латышева
Составитель - Л.И. Медведева
Компьютерный набор - Л.И. Медведева, А.А. Лапченко,
А.А. Петров, Е.Б. Тихомирова
Художественное оформление и верстка - А.А. Лапченко

Тираж: 50 экз.

Оригинал-макет
Сектор автоматизированных
Библиотечно-информационных технологий
МУТР «Торопецкая центральная библиотека»
г. Торопец, Тверская обл.,
ул. Советская, д.35а
kniga_tor@mail.ru
www.toropec.tverlib.ru